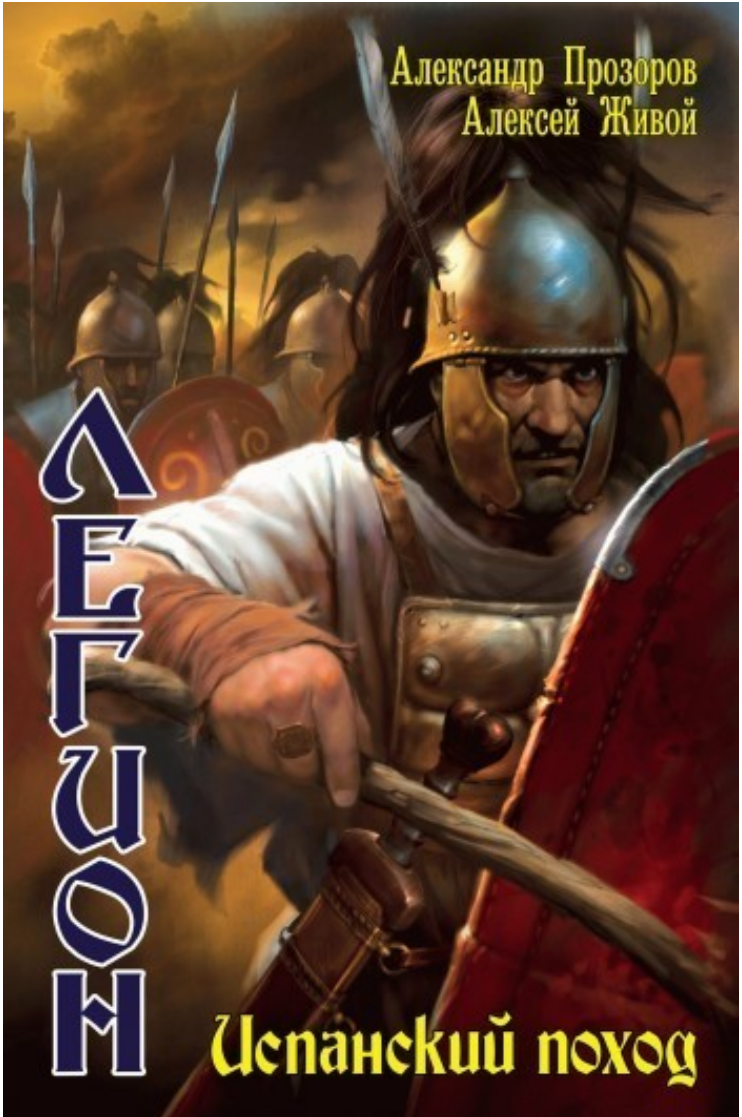
Александр Прозоров
Алексей Живой
ЛЕГИОН
Испанский поход

Александр Дмитриевич Прозоров
Алексей Живой

Испанский поход

Серия «Легион», книга 5

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=179810
Легион: Испанский поход: «Ленинградское издательство»; Санкт-Петербург; 2009
ISBN 978-5-9942-0230-2

Аннотация

Рим окружен. Ганнибал взял Сицилию, и теперь вся Южная Италия под его властью. Союз с Сиракузами принес новую возможность пополнить осадный обоз катапультами Архимеда. Получив долгожданные подкрепления, армия пунов готовится к последнему походу, который должен стереть с лица земли ненавистный Рим.

На восточном побережье высадились союзные македонцы царя Филиппа, с севера над Римом нависли скифские полчища, пробившие себе дорогу от Черного моря до Адриатики. Кажется, еще удар – и Карфаген утвердит свое владычество над всей Италией.

Но неожиданно союз начинает рушиться на глазах. Объединившись, перед лицом общего врага, греческие полисы

наносят удар скифам в тыл, заставив Иллура повернуть свою конницу от самых границ Италии. Македонцы также вынуждены вернуться. В довершение всего Ганнибал узнает, что в Испании вспыхнул мятеж. Рим переправил туда морем несколько легионов под командой братьев Сципионов. Они уже отбросили войска Гасдрубала Барка назад, до самого Ибера. Если немедленно не остановить испанский поход римлян, то Карфаген может потерять всю Испанию и тогда осада Рима станет невозможной.

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	28
Глава третья	50
Глава четвертая	67
Глава пятая Лилибей	86
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Александр Прозоров, Алексей Живой
Легион: Испанский поход

Глава первая
Бодастарт

Медленно, словно торопиться было некуда, рассекая волны мощным килем, в гавань Тарента вошло огромное грузовое судно. Рассветный воздух, еще не успевший потерять ночную прохладу, донес до Федора скрип снастей и голоса матросов. Когда судно преодолело обширную гавань и пришвартовалось к одному из пирсов, командир двадцатой хилиархии окончательно убедился в том, что это «посылка» из Сиракуз. Прямо на палубе были закреплены огромные балки какого-то странного сооружения, видимые невооруженным глазом даже с большого расстояния. Странным, однако, оно могло показаться кому угодно, только не Федору, сразу же опознавшему в нем части гигантской катапульты, которую он ждал здесь уже который день как офицер, отвечавший за осадный обоз. Слишком уж хорошо запомнилась ему эта катапульта, крушившая римские корабли, чтобы не опознать

ее изогнутый стан, пусть даже и в разобранном виде.

«Пятая, – удовлетворенно кивнул Федор, который рассматривал корабль и просыпавшуюся гавань с балкона собственного дома на склоне прибрежного холма. – Архимед слово держит».

Согласно договору между Гиппократом, правителем Сиракуз, и Ганнибалом, Архимед должен был создать не меньше двадцати таких катапульт для осады Рима и еще несколько десятков орудий поменьше. С той поры, как Федор вернулся из Сицилии, прошло уже почти три месяца, но осадный обоз новой армии, с помощью которого предстояло сокрушить римские укрепления, все еще не был укомплектован полностью. Дело требовало времени и выходило хлопотное, даже для лучшего геометра и механика всех времен и народов. Впрочем, Ганнибал, не слишком довольный задержкой, тоже не проводил время в праздности. Вся армия Карфагена, заметно возросшая за последнее время, готовилась к походу.

Недавно захваченный римский город, цитадель которого сопротивлялась дольше всего, теперь был просто наводнен солдатами Карфагена и не только финикийцами. Кроме африканцев Атарбала и конницы Магарбала, вставшей на постой в казармах римских легионеров, здесь также были частично расквартированы македонцы царя Филиппа, большая часть войска которого осаждала сейчас Брундизий. В этом городе на побережье Адриатики «окопался» и надеялся

выстоять до подхода подкреплений двадцать пятый легион римлян. Впрочем, деваться им было все равно некуда. С моря римлян блокировал македонский флот, а город осаждала греческая пехота при поддержке метательных машин. Дни защитников Брундизия были сочтены, и Ганнибал не выказывал особенного беспокойства из-за того, что неподалеку от его нового и, пожалуй, главного опорного пункта в южной Италии еще есть столь значительные силы римлян. Днем раньше или днем позже, этот вопрос будет решен.

Кельты, а также самниты и луканы, которых Ганнибал в большом количестве навербовал в свое новое войско, жили в специально выстроенном лагере неподалеку от стен Тарента. Узнав о решении главнокомандующего разместить вспомогательные войска вне города, Федор невольно подумал о его предусмотрительности. На случай внезапного нападения римлян они должны были стать первой линией обороны, а финикийцы – узнать об этом задолго до подхода противника.

Впрочем, теперь внезапное нападение римлян казалось Федору маловероятным. Ближайшие римские войска, если не вспоминать о Брундизии, по-прежнему стояли на северной границе Апулии, недалеко от Луцерии. Даже захватив Сицилию и получив подкрепления, Ганнибал не спешил отгонять их дальше, всецело занятый укреплением города и подготовкой армии к новому победоносному походу, который должен был решить исход затянувшейся войны.

Федор потянулся, распахнув хитон, и окинул взглядом

стройные ряды финикийских кораблей, пришвартованных в военной гавани Тарента. Это были новехонькие квинкеремы из того самого флота, что был отправлен сенатом Карфагена на захват Сицилии, а теперь пополнил боевой флот Ганнибала. Двадцать пять кораблей из восьмидесяти. Остальные, «приписанные» теперь к различным городам острова, бороздили сейчас Тирренское море и прибрежные воды Сицилии, время от времени отгоняя римских разведчиков. Флотоводцы были готовы отразить любую попытку нового римского десанта, но больше ожидали приказа блокировать Рим с моря. Однако приказа о массированном наступлении пока не поступало. Ганнибал готовился и собирал сведения о передвижениях противника, в том числе и на море. Римский флот, несмотря на подошедшие к Ганнибалу подкрепления, все еще превосходил финикийский количеством, представляя серьезную угрозу. Между тем армия и флот пунов находились в полной уверенности, что этот приказ поступит со дня на день.

Во время осады Тарента с суши блокировать гавань не удалось и большая часть римских кораблей, не считая тех, что сжег Федор во время своего тайного рейда, ушла в Рим. Никто не смог им помешать. С этим флотом ускользнули Марцелл и Памплоний, с которым Федор очень хотел встретиться и поговорить по душам. Разговор с мужем Юлии, как и встречу с «тестем» пришлось отложить до лучших времен. Но, Чайка был уверен, – ждать осталось не долго. Воздух Та-

рента был просто пронизан ощущением неизбежного похода. Нового. Победоносного и окончательного.

Вспомнив о том, как он тайком, через римские посты, пробирался сюда всего несколько месяцев назад, Федор слегка загрустил. В том рейде по вражеским тылам он потерял своего ординарца Териса, погибшего в самый последний момент, когда горящий брандер направился на скопление римских квинкерем.

«Жаль паренька, хороший был боец, таких мало», – подумал Чайка, переводя свой взгляд на казармы римских морпехов, где некогда сам начинал службу, оказавшись в этом мире. Сейчас там расположились на постой морпехи Карфагена, заняв опустевшие помещения. А Федор, глядя на выстроившихся вдоль каменного пирса солдат в темно-синих кожаных панцирях, готовых подняться на борт корабля, вдруг вспомнил своего сослуживца по манипуле деревенского болтуна и балагура Квинта. С его помощью он тогда входил в местную жизнь и знакомился с азами службы легионера. И ведь успел уже втянуться. Кто знает, как могла бы повернуться жизнь, если бы на его пути не встретилась золотоволосая дочь римского сенатора, которую ему любить никак не полагалось по рангу. А вот, глядишь ты, как оно все вышло.

Да и в морпехи можно было бы опять податься, ведь у Ганнибала снова был флот. Только положение Федора за эти годы уж сильно изменилось. Конечно, не было ничего невозможного, желающих покомандовать его хилиархией найдет-

ся немало. Однако, посетив послом Карфаген, а потом перебравшись кораблем на Сицилию, Федор как-то успокоился на эту тему. И без синего панциря морпеха служба у него выходила вполне насыщенная и полная приключений. В метрополии его дожидались несколько ящиков с золотом, на которые он мог бы приобрести себе сразу несколько кораблей вместе с командами, если бы захотел. А пока Чайка решил служить здесь, на суше. Да и его друзья-морпехи, Урбал и Летис, что начинали с ним вместе эту кампанию еще в Испании, тоже пообвыклись к жизни простых пехотинцев, которые видят море только с берега.

Грохот внезапно обвалившегося здания неподалеку от порта отвлек его от воспоминаний. Тарас невольно посмотрел туда и заметил, как солдаты из инженерных частей разбирают римский храм Юпитера-Фретерия на камни, которые затем пойдут на восстановление разрушенных стен. Штурм был мощный, римляне долго сопротивлялись, а потому строительного материала требовалось много. И Ганнибал отдал приказ разбирать все римские храмы, кроме тех, которые можно было без особых усилий перестроить в святилища Баал-Хаммона, Таннит или Мелькарта. Ведь с приходом финикийцев на эту землю сюда пришла и древняя вера карфагенян.

Пожив какое-то время в Карфагене Федор заметил, что финикийцы были терпимы к иноземцам, – как ни крути, финикийские купцы торговали по всему свету, да и сам Карфа-

ген был просто перекрестком миров запада и востока. Кого в нем только не встретишь в базарный день: и ливийца, и эфиопа, и египтянина. Разве что грекам и римлянам путь туда был заказан. Но после победы Ганнибала из Тарента вместе с римскими войсками должны были убраться и римские боги. Они не могли ужиться здесь под одним небом с владыками финикийского пантеона.

Оказавшись здесь, карфагеняне сразу же развили бурную деятельность по переустройству города под свои нужды. Они не только строили в Таренте свои храмы, заботясь о будущем для живых, но и вырубали в прибрежных скалах гробницы, думая о загробном мире. Первое финикийское кладбище вскоре появилось совсем близко от города. Сразу после сражений там уже похоронили многих финикийцев: и знатных воинов, и обычных солдат. По всему было видно, что Ганнибал пришел сюда навсегда.

Мало интересовавшийся до недавних пор этим вопросом Федор, тем не менее был удивлен, узнав, что финикийцы предпочитали гробницы, вырубленные в скале. Но иногда не брезговали и простыми могилами в земле, если рядом не было скал. В Таренте, по счастью, скал было предостаточно для того, чтобы позаботиться о мертвых героях. Оказавшись как-то в районе нового кладбища вместе со своими друзьями, Чайка с большим интересом наблюдал, как каменотесы вырубают в скалах вертикальные шахты, некоторые из них достигали до десяти метров в глубину.

– Иногда мы сжигаем своих покойников. Этот обычай мы переняли у персов, поклоняющихся огню, и многим он нравится, – сообщил ему один из прибывших на новое место жрецов, когда Федор приносил дары Баал-Хаммону по случаю своего успешного возвращения, а указав рукой на ближнюю скалу, уточнил: – Вы желаете, чтобы я заранее позаботился о вашей могиле? У нас еще есть места. Я могу отправить туда каменотесов прямо сегодня.

Жрец нового храма Баал-Хаммона был бородат, носил на голове убор, похожий на платок, и простую неподпоясанную тунику. Длинный шарф, испещренный странными узорами, был переброшен через левое плечо. В руках жрец держал патеру [1] и бутыль. Вскоре ему предстояла церемония в храме, и Федор, прибывший сюда обсудить важное решение, немного отвлекал его от дел. Но жрец терпеливо ждал.

Федор, хоть и давно уже приносил дары Баал-Хаммону, все же опешил. Как-то не привык он заранее готовить себе место на кладбище, хотя многие здесь поступали именно так. Особенно зажиточные финикийцы, а он уже мог себя отнести к таковым. Оторвав взгляд от лица бородатого священника, он в нерешительности посмотрел на скалу, где стучали кирками рабы-каменотесы.

– Пожалуй, – кивнул он, – но немного позже. Сначала обсудим другой вопрос.

---

[1] Патера – низкий, неглубокий сосуд, который жрецы использовали для отправления ритуалов.

– Да, я помню, – кивнул жрец, – вы хотели бы дать своему сыну новое имя.

Федор кивнул. Его сыну уже исполнилось четыре года и пошел пятый. Все это время он жил под именем Марк Акций Памплоний Младший. Пока он с Юлией скрывались от взора остальных в уединенном домике на берегу моря, это еще можно было терпеть. Но теперь настало время сделать его полноправным финикийцем.

Вернувшись из Сицилии с победой, Федор тут же получил от Ганнибала в подарок двадцать слуг и роскошный особняк на одной из улиц верхнего города, где селилась раньше местная знать. Да и теперь соседями Федора были не простые воины. Через несколько домов возвышался особняк, который отошел к Атарбалу, рядом поселились командиры африканских хилиархий и конных отрядов Магарбала. Да и сам главнокомандующий Карфагена жил теперь неподалеку, на вершине соседней горы. В обнесенном высокой стеной и больше напоминавшем своим видом крепость особняке. Впрочем, Федор не удивился, узнав, что раньше там располагался римский штаб и жил сенатор Марцелл. Ганнибал оценил это здание по достоинству, разместив там и свой штаб. В случае чего в этом особняке можно было долго держать оборону, да и спуск к морю имелся.

Едва осмотрев свой дом, выстроенный в греческом стиле из светлого известняка, трехэтажный, с колоннами у входа, портиками и широкой террасой с видом на море, Федор

понял, что без хозяйки тут не обойтись. Должен же кто-то управлять целой армией слуг, которую ему на радостях подарил Ганнибал. «Придется перевезти сюда Юлию с сыном, – рассудил он, выйдя на террасу и оглядывая гавань Тарента и сам город, охваченный суетой, – хватит ей взаперти сидеть. Пора начинать новую жизнь».

Услышав это предложение, дочь римского сенатора согласилась не раздумывая. Ей и самой уже порядком поднадоел уединенный дом на берегу апулийского побережья, где она ощущала себя затворницей. После того как Ганнибал обещал не преследовать их, Чайка уже не раз порывался вывести в свет свою тайную любовь, но подходящего случая не выпадало. Да и, честно говоря, побаивался безродный командир двадцатой хилиархии выставлять на всеобщее обозрение свою знатную римлянку, которая не была ему даже женой. Впрочем, под покровительством Ганнибала они могли теперь пожениться по финикийским обычаям или жить дальше, как им заблагорассудится. То, что Федор и Юлия происходили из разных народов, Великого Пунийца ничуть не смущало. Сам Ганнибал и его братья имели жен из знатных, но иберских родов, которые служили теперь Карфагену в Испании верой и правдой.

Со свадьбой они, однако, решили не торопиться. Подождать, пока станет ясно, как отнесутся к ним другие знатные финикийцы. Но дать новое имя сыну Юлия не отказывалась.

– Вы уже решили, как назовете сына? – спросил жрец,

оглянувшись на своих помощниц, облаченных в невесомый пеплум [2], что позади него готовили церемонию, разводя огонь под ритуальными жаровнями. – В честь кого из богов?

Федор замялся, но жрец помог ему.

– Если проводить церемонию в ближайшие дни, – проговорил он, – пока идут праздники в честь верховного божества, то его можно назвать, например, Баалшиллек или Баалезор. Быть может, вам подойдет Элибаал.

Жрец помолчал, изучая реакцию Федора, и по его лицу сразу понял, что список следует продолжать.

– Через десять дней наступит праздник Мелькарта [3], вы можете назвать сына Абдмелькарт. А через четырнадцать дней начнутся празднования богини плодородия Астарты.

Когда жрец закончил перечислять все возможные имена в честь Мелькарта и Астарты, Федор услышал одно, которое ему понравилось. Это имя звучало как Бодастарт и посвящалось богине плодородия.

– Что же, – решил Юлия после недолгих размышлений, погладив по голове черноволосого мальчугана, – пусть будет Бодастарт, раз тебе нравится это имя, а четырнадцать дней мы подождем. У нас есть чем заняться.

К тому моменту они уже неделю находились в Таренте, и Юлия, как новая хозяйка имения, решительно взялась за

---

[2] Пеплум – верхняя одежда карфагенских жриц из легкой ткани без рукавов, надеваемая поверх туники.

[3] Для нужного развития сюжета сроки проведения торжеств изменены.

дело. По ее разумению, очень многое здесь следовало перестроить и переделать. Вкус прошлых хозяев, явно тяготевших к стилю жизни купцов, ей не подходил. Юлия немедленно отправила слуг на рынок, да и сама не побрезговала обойти в их сопровождении все уже открывшиеся лавки, чтобы найти нужные товары. Кроме того, несмотря на слабое незнание финикийского, она быстро разыскала мастеров-каменотесов, которым поручила почти полностью перестроить оба портика.

«Если так пойдет дальше, – невольно усмехнулся Чайка, глядя, как Юлия распекает нерадивых слуг, – то я скоро не узнаю этого дома. Впрочем, я еще не успел к нему привыкнуть как следует».

По просьбе своей золотоволосой римлянки Федор приставил к ней переводчика из греков, который водил ее по лавкам финикийских купцов, поражаясь, с какой легкостью его госпожа сорит деньгами, даже не пытаясь торговаться. Грека, привыкшего торговаться до последней возможности, каждый раз, когда Юлия не глядя, покупала несколько корзин, бросало в дрожь, – ведь при желании с них можно было сторговать у финикийцев почти полцены. И переводчик, подавляя стон разочарования, переводил ее слова, с грустью вспоминая недавние времена, когда почти все лавки Тарента принадлежали его соплеменникам, несмотря на римское владычество. Теперь же все было иначе.

Сам Федор, пару раз посетивший рынок вместе с Юлией и

сыном, отдавал должное своим новым соплеменникам, этому предприимчивому народу купцов и мореплавателей. Не успела армия войти в город, как из Карфагена уже приплыло несколько торговых караванов с товарами, хозяева которых не испугались даже боевых римских кораблей, которыми еще кишели окрестные воды. Еще не успели стереться из памяти недавние сражения за каждый квартал, а здесь уже разворачивали свою деятельность посланцы купеческого сообщества метрополии, занимая разрушенные лавки греков. Федор невольно вспомнил жадного Сандракиса, который теперь тоже, хоть и поневоле, стал одним из купцов «освобожденного» города. Чайка составил ему протекцию по старой памяти, как и обещал. Все-таки, если бы не его сгоревший корабль и личное участие, все могло бы обернуться куда хуже.

За две недели, прошедшие с момента решения судьбы Марка Акция Памплония Младшего, в доме на берегу залива многое изменилось. Юлия, явно обрадованная переездом, активно готовилась к новой жизни. За это время она смогла расширить, сломав одну из стен, и без того не маленький зал для приема гостей. Парадный зал, как она его называла. «Видимо, она надеется здесь устраивать приемы, – с опаской размышлял командир двадцатой хилиархии, глядя, как проявляет активность его гражданская жена, – с меня бы хватило, если бы местная знать просто признала в нас ровню, а там посмотрим».

Но Юлию такие мелочи уже не волновали. И к тому моменту, когда следовало провести церемонию обретения нового имени мальчиком, парадный зал был уже почти готов. Места обрушения выровнены и заштукатурены, а кое-где даже успели нанести роспись. Простой рисунок, изображавший цветущее поле.

– Ну вот, – заявила Юлия, разглядывая свой первый успех, – теперь здесь может поместиться человек тридцать даже со слугами. Конечно, это не мое обширное имение под Римом, но тоже не плохо.

– Потерпи немного, дорогая, – обнял ее Федор, приблизившись сзади, – ждать осталось не долго. Пройдет месяц, может быть два, и ты вновь сможешь устраивать пиры в своем имении под Римом. Уверен, на днях Ганнибал отдаст приказ о наступлении. Мы быстро сломим сопротивление легионеров и станем хозяевами города, а с ним и всей Италии.

Услышав об этом, Юлия почему-то не очень обрадовалась.

– Я не хочу его больше видеть, – вдруг заявила она после недолгого молчания.

– Почему? – удивился Федор, нежно целуя ее в щеку. – Ведь там мы с тобой впервые встретились.

– Там пролилось слишком много крови невинных людей, – пробормотала Юлия, высвобождаясь из объятий и направляясь на второй этаж, где находилась спальня, – я больше не смогу там спокойно жить и растить сына.

– Тогда мне придется его разрушить, – также тихо проговорил Чайка вслед своей любимой, когда она уже поднялась на верхний пролет полукруглой лестницы, – чтобы оно больше не досаждало тебе.

Но Юлия его, к счастью, уже не слышала.

Церемония обретения нового имени прошла в новом храме Астарты на берегу залива, похожем на большинство других, – открытой площадке с алтарем и жертвенником в центре, окруженной стелами. Никого, кроме родителей, самого «новорожденного» Бодастарта и жрецов, на ней не было. Федор не хотел шумихи. Пока горел огонь и жрец произносил свои заклинания, Федор с некоторым страхом рассматривал большую, искусно отлитую из бронзы статую, изображавшую божество с вытянутыми вперед руками. Прямо под руками находился еще один очаг, который сейчас был потушен. Чайка видел несколько похожих статуй в храмах Карфагена и не мог не знать, что в дни суровых испытаний было принято приносить своих детей в жертву, чтобы умилостивить богов. Чаще всего это были младенцы. Их клали на руки статуи и разводили внизу огонь. Считалось, что только после таких жертв бог становился к людям милостивым.

Федор перевел взгляд на смышленого мальчугана, который держался за руку Юлии, одетой в цветную тунику, как обычная финикийская женщина. Бодастарт, а Чайка теперь старался называть его только так, похоже, ничего не боялся. Он не плакал, а уверенно смотрел прямо на жреца, сквозь

огонь и дым, поднимавшийся от жаровни.

«Хорошо, что он уже не младенец», – невольно подумал Федор и поймал себя на мысли, что даже для того, чтобы умилостивить верховное божество, он вряд ли бы смог пожертвовать собственным сыном. Скорее собой. Но взрослых финикийцы редко приносили в жертву. Разве что пленных воинов. Обычно богам жертвовали еду, питье, птиц и животных. А также деньги. Свои «твердые расценки» существовали на каждый ритуал.

Этому жрецу Федор заплатил десять мер серебра, а затем посвятил Астарте десять коров и двадцать коз и еще столько же Баал-Хаммону в другом храме, чтобы боги отныне охраняли и направляли его сына.

Когда церемония была закончена, они вернулись домой в сопровождении слуг, Федор первым делом поднял сына на руки и вышел с ним на террасу, с которой открывался отличный вид на вечерний город. Солнце уже садилось, лаская красными лучами побережье. Мальчик вел себя тихо, держась за шею отца.

– Смотри, Бодастарт, – нарушил тишину Федор, указав ему на город и гавань, полную кораблей, – теперь все это твое. А ты часть финикийского мира. Пройдет немного времени, мы все вместе сядем на большой корабль и отправимся в Карфаген, где у нас тоже есть дом. Ты должен увидеть этот город, лучший на свете. И твоя мать тоже должна его увидеть.

Сказав это, Федор обернулся к Юлии, стоявшей за его спиной в двух шагах. Бодастарт молчал, внимая словам отца, из которых понял еще не все. Он уже учился финикийскому языку, как и сама Юлия. Но кое-что еще не успел освоить. Впрочем, Федор не беспокоился об этом. Паренек подрастал смышленый. По всему было видно, из него выйдет толк и по военной линии и по ученой. Было в кого. Да и на то, чтобы разобраться, кем стать в этом бурном мире, время тоже еще было. Успеет, а уж учителей Федор ему выпишет из Карфагена самых лучших.

На следующее утро, едва Юлия с сыном отправились на прогулку к морю в сопровождении десятка слуг, в новый дом Чайки неожиданно явился Леха Ларин.

– Вот это встреча! – удивился Федор, спустившись по лестнице вниз, когда слуга доложил ему о госте. – Какими судьбами? Ты же давно должен был обосноваться в долине реки По и наводить дружбу с кельтами.

– Так я и навожу, – усмехнулся Леха, обнимая друга и проходя вслед за ним в дом, – только Иллур меня к тебе неожиданно послал с поручением. Утром только причалил, разыскал твой особняк и сразу сюда. Шикарно устроился, сержант.

– С поручением? – переспросил Федор с недоверием, посматривая на маячивших за Лехой пеших скифов, которые сверкали на солнце чешуей панцирей. – Ко мне? А почему не к самому Ганнибалу?

– Нет, – отмахнулся Леха, отряхивая пыль с доспехов, –

именно к тебе. Ведь ты же за осадный обоз отвечаешь? Я ему так и сказал, надо сразу к Федору плыть, чего зря главнокомандующего беспокоить из-за такой ерунды.

– Вот оно что, – догадался Федор, – ну тогда пойдем во внутренний дворик, обсудим это дело, выпьем вина. Тем более есть за что.

Расположившись за массивным каменным столом под ветвями раскидистого дерева, которых здесь росло штук десять, давая хорошую тень даже в самое знойное время, друзья выпили вина. Появившийся из-за спины слуга-ливиец – а Ганнибал подарил Федору исключительно африканских слуг – по первому жесту хозяина сбегал в погреб и принес два кувшина отличного красного вина и чаши. А затем поставил на стол изящную вазу с фруктами.

Леха выпил вина, закусив его финиками, и, осмотрев стол, немного погрустнел. Федор, знавший своего друга слишком хорошо, сразу сообразил, что тот сильно проголодался с дороги, и приказал слугам зажарить барашка. А пока готовилось свежее мясо, им принесли немного вяленого, овощей и хлеба. Благодарный скифский адмирал немедленно набросился на еду, выслушав рассказ хозяина о том, как тот недавно «окрестил» своего сына.

– Бодастарт? – переспросил Леха, отправляя в рот первый кусок. – Нормальное имя, подходящее. Тоже полководцем вырастет, как его отец.

– Может быть, – кивнул Федор и криво усмехнулся, – а

может быть, в политики пойдет, как его дед. Кровь позволяет.

– Это вряд ли, – сразу отмахнулся Леха, поедая оливки, и уточнил: – А Юлия что думает?

– Пусть сам решает, когда вырастет, – прикрыл тему Федор, почесывая стриженую бороду, – так, что у тебя за дело?

– Понимаешь, – начал говорить Леха и вдруг умолк на время, пока перед ним ставили блюдо с закопченным мясом, источавшим небывалый аромат. – Я, как вернулся, сразу рассказал своему кровному брату о том, какие замечательные орудия этот Архимед строит. Громадные. Не в пример нашему Калпакидису, хотя тот тоже молодец.

Федор помалкивал, давая другу выговориться и поесть. А Леха как раз с жадностью откусил и прожевал довольно большой кусок мяса, обильно запив его вином. Слуга немедленно наполнил чашу гостя. В чаше Федора еще оставалось вино. Он пил меньше. В скором времени ему предстояло появиться на совете у Ганнибала, а пьяным являться туда было не принято.

– В общем, – не стал ходить кругами Ларин, – Иллур просит у вас парочку таких же катапульт, чтобы топить римские корабли или утюжить укрепленные лагеря легионеров. Против нас там, на севере, как раз два таких выстроено, но мы пока не атакуем. Сигнала ждем.

– Катапульты говоришь? – прищурился Федор. – Ты же знаешь, что у нас их в обрез. Да и секретное это оружие, Ле-

ха. Ни у кого больше таких мощных нет. Вдруг римляне по дороге перехватят?

– Значит, не дашь? – искренне озадачился Леха. – А я уже Иллуру пообещал.

– Ладно, – усмехнулся Леха, – что с тебя взять. Сейчас к Ганнибалу иду, попрошу для тебя парочку. Надо же помочь союзникам.

– Вот и отлично, – просиял бравый морпех, вырывая кувшин из рук ливийца и разливая остаток вина по чашам, – давай, за молодое поколение! Чтобы твой Бодастарт здоровеньким рос, да и мой сын тоже! Давно его не видел.

Опрокинув чашу, захмелевший Леха даже погрустнел, предавшись воспоминаниям о своей крымской жизни.

– Жди меня здесь, – проговорил Федор, вставая, – мне пора идти. Я скажу слугам, чтобы они тебя в комнату проводили, где ты сможешь хорошенько выспаться с дороги. А твои люди…

– Не суетись, сержант, – ответил Леха, вставая, – людей я на корабль отправлю, чего им тут глаза мозолить. А сам здесь посижу. Мясо вон осталось и вино еще есть.

– Ну как знаешь, – кивнул Федор, – Но комнату тебе на всякий случай приготовят. Места хватает. А Юлия с сыном скоро вернутся с прогулки.

Когда Федор Чайка вернулся с военного совета, где он не услышал ничего нового, кроме приказа ускорить подготовку осадного обоза, Леха спал без задних ног на топчане, в отве-

денной ему комнате с окном на бухту. Адмирал ужасно храпел, а его панцирь и сапоги валялись прямо на мозаичном полу. «Устал, кочевник», – ухмыльнулся Федор и, решив не будить пока друга, посмотрел в окно. Там он заметил триеру, что быстро заходила в порт. Ее стремительные движения выдавали хорошо обученную команду, а по неуловимым деталям Чайка опознал в ней боевой корабль испанской эскадры, что воевала у берегов Нового Карфагена под командой Гасдрубала. Сам когда-то там начинал службу. «Это еще что за гости пожаловали, – озадачился Федор, – давненько у нас не было новостей из Испании».

Развернувшись, он вышел из комнаты и провел несколько часов с Юлией, обсуждая последние новости по хозяйству. У неистовой римлянки появились новые идеи. Однако едва они успели поговорить о том, не стоит ли перестроить внутренний двор, как явился курьер от Ганнибала.

– Главнокомандующий немедленно требует, чтобы вы явились к нему во дворец, – сообщил пехотинец на словах, поклонившись, – появились важные новости.

– Сейчас буду, – кивнул Чайка, подумав: «Я даже догадываюсь, откуда эти новости. Похоже, сегодня весь день уйдет на совещания».

– Разбуди нашего гостя, – приказал он слуге-ливийцу, – пора поговорить. Дальше откладывать некогда.

Через пятнадцать минут Федор, облаченный в доспехи, стоял на ступенях своего особняка рядом с Лехой, также

принявшим строевой вид.

– Катапульту я для тебя «выбил», правда только одну, больше Ганнибал не дает, – сообщил он еще заспанному другу, указав рукой в сторону порта, – придешь вон на те склады и скажешь, что от меня. Я уже предупредил всех офицеров. Они тебе помогут перегрузить ее на корабль, а там твои греки ее как-нибудь соберут.

– Ну одну так одну, – согласился Леха, ничуть не обидевшись, – зато какую. Только я тебя уже не дождусь, извини, сержант. Мне, как погружу, отплывать надо. Иллур только за этим меня и прислал. Велел сразу возвращаться.

– Ну тогда давай прощаться, брат. – Леха обнял друга, похлопав его по панцирю рукой. – Чует мое сердце, что начинаются серьезные дела. Бывай здоров, рядовой Ларин.

– Ничего, – отмахнулся Леха, поправляя ножны акинака и щурясь на солнце. – Скоро мы с тобой встретимся уже под стенами Рима. Не долго осталось. Зажмем этих легионеров в клещи с двух сторон и взгреем по первое число. А потом и посидим хорошенько, как у скифов принято. Неделю гулять будем.

– Идет, – кивнул Федор, вскакивая на подведенного коня. А когда отъехал метров на пятьдесят вверх по мощеной улице, то осадил скакуна и обернулся, посмотрев вслед товарищу. Отыскал глазами коренастую фигуру, что вышагивала в сторону порта, придерживая ножны меча. Проводил глазами до тех пор, пока Ларин не исчез за краем трехэтажного ка-

менного дома у самых портовых сооружений. Вроде бы все шло нормально, к скорой победе над римлянами. И Лехин «план» должен был осуществиться без особых проблем. Но что-то говорило Федору, что теперь они не скоро увидятся.

Глава вторая
Исилея

Катапульту Леха довез по адресу без особых приключений, если не считать того, что в Адриатике разыгрался небольшой шторм и триера, не имевшая специальных приспособлений для перевозки столь громоздкого груза, едва не перевернулась. Корабль, что привозил колоссальные катапульты из Сиракуз по частям, проектировал сам Архимед, предусмотревший все необходимые крепления заранее, а скифам пришлось выкручиваться на ходу. Но адмирал и тут не сплоховал. Все, что смогли, погрузили в трюм, разместив в проходах между гребцами. А что не пролезло в отверстия над лестницами, привязали прямо на палубе. У греков с виду крепление было похожим.

– Что я, глупее Архимеда, что ли? – решил Леха, осмотрев греческий корабль в гавани Тарента. – Мы и сами также сможем. Да, Токсар?

Бородатый воин посмотрел на хитроумную систему колышков и веревок, повсюду торчавших из палубы греческого корабля, и, потеребив бороду, с сомнением пробормотал:

– Хорошо бы сюда кого-нибудь из наших греков. Гилисподиса или хотя бы его помощников. Те бы сразу сообразили, что делать.

– Сам знаю, – согласился Леха, немного погрустнев, – да где их тут взять? Крепим, короче, как я приказал. И на рассвете отплываем.

Уже в Адриатике, когда корабль вышел из Тарента и, обогнув мыс, оставил за кормой осажденный Брундизий, держась ближе к иллирийскому побережью, начался шторм. Корабль нещадно раскачивало. Его борта скрипели и трещали, грозя развалиться на части. От качки балки, что лежали в проходах на второй палубе, сорвались со своих креплений и насмерть придавили шестерых гребцов. Одна из них даже ударила в борт триеры изнутри, но корабль оказался крепким. Как смогли скифы закрепили сорвавшиеся балки и продолжили свой путь.

К счастью, ни одного римского корабля, которые еще во множестве бороздили эти воды у берегов средней Италии, им не встретилось, поскольку боеспособность триеры была почти на нуле. Эту триеру им одолжили македонцы, поскольку собственный флот скифов оставался на Истре-Дунае и в черноморских портах. О чем бравый адмирал уже не раз пожалел, оказавшись на Адриатике.

Союзники смогли выделить царю скифов только один корабль, сославшись на то, что весь остальной флот занят в войне с римлянами и участвует в блокаде Брундизия. Так что особой пользы на море, оттого что Иллур захватил все побережье от Эпира до самой долины реки По, для скифов пока не было. Разве что сухопутные войска могли теперь пере-

двигаться там беспрепятственно. Да и то с оговорками. Поскольку скифы смогли «накрыть» не все лагеря иллирийских пиратов, а только те, что находились близко к берегу. Часть иллирийцев успели уйти в свои горные базы и успешно отбивали там атаки конницы. А иногда продолжали действовать в тылу, нападая на обозы.

Конечно, враг был разгромлен, но не до конца. Разбираться с мелкими отрядами Иллуру было некогда. Пройдясь железным маршем вдоль побережья, скифы захватили его, отрезав римлянам возможность беспрепятственно действовать на обоих берегах Адриатики, и ушли дальше в сторону подвластных кельтам земель. А здесь Иллур оставил несколько мобильных отрядов, которые занимались тем, что мгновенно усмиряли иллирийцев, посмевших высунуть нос из своих высокогорных убежишь. Полный разгром этих пиратов он оставил на более спокойные времена. Особой опасности для главного удара конной армии они, по мнению Иллура, не представляли.

Наконец спустя три дня скифские мореплаватели увидели «родной» берег. Первое время корабль носило по волнам, а когда ветер успокоился, он еще долго и осторожно пробирался вдоль иллирийского побережья, то и дело меняя курс, чтобы не налететь на подводные скалы. К счастью, все обошлось, и Леха привез обещанную катапульту своему царю.

Когда триера в сумерках причалила к небольшому пирсу, еще несколько лет назад выстроенному в укромном месте

между двумя скалами инженерными частями армии Ганнибала, проводившей здесь первую зиму, Леха заметил, что в лагере царила непривычная суета. Несмотря на поздний час, в хорошо укрепленном лагере скифов, что находился на обширном плато, простиравшемся над побережьем, передвигались массы всадников, многие из которых были с факелами. Ближайший лагерь кельтов находился в нескольких километрах левее.

– Это еще что такое? – удивился адмирал, первым спрыгивая на помост, едва триера притерлась бортом к шершавому пирсу. – Может, римляне напали?

Он даже обернулся назад и вопросительно посмотрел на Токсара, словно тот знал ответ. Но бородач промолчал, в недоумении наблюдая, как большой отряд всадников, несколько тысяч не меньше, на ночь глядя покидал лагерь. Миновав мощные ворота, скифы направились по узкой дороге вдоль побережья в сторону Иллирии.

– Что делать с грузом? – поинтересовался Токсар, отвлекая Ларина от созерцания лагерной суеты.

– Что? – удивился адмирал, обернувшись, словно только сейчас заметил корабль. – А, ты об этом. Привяжите покрепче к пирсу да охрану выставь человек тридцать. Лучше из сотни Инисмея. Волнения здесь почти нет, не утонет, место толково выбрано. А разгружать все равно только утром будем. Слишком ценное орудие.

Скиф кивнул, отправившись выполнять приказание.

А Леха в сопровождении нескольких бойцов направился вверх по дороге, которая вскоре разошлась на два рукава. Первый шел в обе стороны по берегу, а второй превратился в тропинку, петлявшую вверх меж каменных уступов. Одновременно по ней могли двигаться рядом только двое, не больше.

На пирсе, у самого начала тропы и на самом плато, Леху остановили пешие скифы-охранники, но, признав адмирала и кровного брата царя, пропустили в лагерь. Поднявшись наверх, Ларин остановился у самого края плато и бросил взгляд назад. Пришвартованная в узкой гавани триера была отсюда еле видна. В группе уже едва различимых в сумерках фигур Ларин разглядел Токсара, который суетился там, отдавая приказания стоявшим перед ним бойцам. С моря эта гавань тоже была почти не видна, а уж о том, чтобы разглядеть корабль, отойдя в сторону хотя бы на двести метров, и речи не было. Инженеры Ганнибала устроили эту пристань в очень укромном месте.

Дальше по берегу, насколько хватало глаз, тянулись высокие, поросшие лесом скалы, обрывавшиеся в море. Нападения римлян с этой стороны можно было особенно не опасаться. Вряд ли они были столь безрассудны, чтобы выбрасывать десант на голые скалы. Да и лагерь занимал единственное в этих местах широкое плато, нависавшее надо всем побережьем. Видимость отсюда, особенно в ясную погоду, была отличная. Правда и сам лагерь было не так уж трудно за-

метить, но Иллур особенно не прятался. Вот-вот должно было начаться наступление, в котором укрепленному лагерю отводилась роль опорной тыловой базы, не более того. Пока что, однако, этот лагерь был главной и самой дальней от Крыма ставкой царя Великой Скифии. Так далеко никто из предшественников Иллура в эти края не забирался.

Еще раз пожалев о том, что внизу не пришвартован весь его боевой флот, адмирал отогнал грустные мысли и направился сквозь главные ворота в лагерь, обнесенный мощным частоколом с башнями. Вообще этот лагерь был странным симбиозом скифского кочевья и финикийской инженерной мысли. Пологое место, на котором стояли сотни юрт и шатров, было обнесено деревянной крепостной стеной с воротами и башнями, за которой можно было пересидеть при желании несколько штурмов. Финикийцы построили стены давно, но не успели возвести бараки и казармы внутри, как поступил приказ наступать и армия ушла из долины реки По в среднюю Италию. Но Иллур, достигнув этих мест, оценил по достоинству незавершенное строительство своих новых союзников. Стены пришлись кстати, а бараки ему были и не нужны. Все свои дома скифы возили с собой в кибитках.

По дороге наверх Лехе попался еще один отряд, сотен пять всадников, проскакавший в направлении Иллирии. «Римлян там вроде бы не наблюдалось, – рассуждал сам с собою адмирал, проводив всадников взглядом и направляясь прямиком в юрту царя для доклада. – Может быть, опять

дарданы зашевелились? Да нет, вряд ли бы наш царь стал так распылять свои силы ради кучки пиратов. Скоро наступать, а он всех солдат в тыл отправляет. Что-то не нравится мне это».

Оказавшись возле юрты, вокруг которой горели костры, – Иллур не слишком заботился о маскировке, даже, напротив, хотел, чтобы римские солдаты знали, где его лагерь, и заранее боялись встречи с ним, – Ларин вступил в пятно света, представ перед охранниками. Человек тридцать широкоплечих скифских воинов, рядом с которыми даже адмирал не хлипкого телосложения казался малорослым, охраняли покой царя. Узнав прибывшего гостя, позади которого остановилась его свита, командир охранников проговорил с поклоном:

– Царь ждет.

Без лишних разговоров Леха шагнул внутрь юрты, откинув полог. Своих бойцов оставил дожидаться снаружи. Пройдя сквозь сумрак «тамбура», он оказался в главном шатре, посреди которого тлела жаровня. В неясном красноватом свете, который исходил от углей, Ларин не сразу заметил Иллура, облаченного в доспехи, несмотря на столь поздний час; Иллур сосредоточенно рассматривал какой-то свиток с текстом и начерченной на нем картой. Царь сидел на полу, весь погруженный в размышления, и, казалось, не слышал, как вошел гость. Но ощущение было обманчивым. Едва Леха шагнул к жаровне, как Иллур, услышав шаги, при-

глушенные ковром, дочитал свиток, свернул и вдруг бросил его на угли. Папирус вспыхнул, мгновенно превратившись в тлен.

«С чего бы такая секретность?» – насторожился Леха, которому показалось, что он разглядел на краю бумаги печать с полумесяцем. Но Иллур, «разобравшись» с письмом, вдруг повеселел. Встал и даже шагнул навстречу своему кровному брату, раскрыв объятия.

– Ну здравствуй, Ал-лек-сей, давно тебя жду.

Указав на подушки рядом с низеньким столиком, где Ларин уже привык видеть вино и фрукты, Иллур уточнил:

– Ты привез то, о чем говорил?

– Привез, – кивнул Леха. Не дожидаясь, пока появятся слуги, он налил себе вина. – Только всего одну катапульту, зато какую.

Казалось, Иллур нахмурился.

– Ганнибал сообщил, что готовится к походу и каждое такое орудие у него на вес золота. У Федора в обозе их всего несколько штук, оказывается. Архимед работает медленно. Хорошо еще, что удалось получить одну. Но мы и с этой катапультой таких дел наделаем, римлянам мало не покажется. Вот завтра выгрузим ее и соберем. А потом проверим на прочность ближайший римский лагерь.

Слушая бахвальство кровного брата, Иллур снова повеселел. Он даже сел рядом и выпил вина из золоченой чаши. Но молча. А Леха не мог отделаться от ощущения, что Иллур

что-то хочет ему рассказать, но не решается. Наконец властелин скифов отставил чашу в сторону и проговорил, усмехнувшись:

– Плохие новости, брат.

Леха напрягся, ожидая продолжения.

– Греки ударили нам в тыл.

– Греки? – переспросил Леха, словно не веря своим ушам. За последнее время он и думать забыл о том, что греки могут представлять опасность, воюя вместе с македонцами и солдатами Сиракуз против римлян. Опасность для него теперь жила только в Риме. А тут – греки. Вот это новость.

– И как это случилось? – подтолкнул он нерешительного, непохожего сегодня на себя Иллура, к разговору. Казалось, царь скифов действительно был обескуражен происшедшим. То, что случилось, было для него полной неожиданностью, и он старался не показать это, хотя закипавшая ярость вот-вот должна была вырваться наружу. Леха слишком хорошо знал своего кровного брата.

– Я получил известия с берегов Истра, – нехотя поделился плохими новостями Иллур, – племена, что живут вдоль реки у Малой Скифии, взбунтовались. А греки из ближних колоний собрали армию и вошли в мои владения. В общем, побережье и часть реки снова в руках греков. Да и некоторые скифы из отрядов Палоксая опять переметнулись к ним.

– Не беда, – отмахнулся Ларин, начиная понимать, куда клонит Иллур, – пошли туда Аргима, он быстро порядок вос-

становит.

– Это еще не все, – «успокоил» его Иллур, – остатки гетов спустились с гор и напали на мою новую ставку, что в семи днях пути от реки. Я оставил там достаточно войск, но мне доносят, что армия гетов пополнилась местными племенами. Они решили, во что бы то ни стало отвоевать свою древнюю столицу. Но этому не бывать!

Царь скифов встал и в ярости бросил чашу на ковер, разлив остатки вина.

– Я сам отправлюсь туда завтра же, чтобы уничтожить последнее сопротивление гетов, – заявил Иллур, резко остановившись возле жаровни и скрестив руки на груди.

– Но, – пробормотал Леха в изумлении, – а как же наступление на Рим? Ведь Ганнибал ждет нашего удара с севера. Вместе с кельтами. Зачем же мы тогда пришли сюда.

– У Ганнибала теперь войск вполне достаточно, – отмахнулся Иллур, словно вспомнив о чем-то, – а у меня их сейчас не хватает, чтобы держать в узде все народы, что мы завоевали. Ведь кроме того, что я уже рассказал, ты должен знать, что…

– Как, – изумился Ларин, даже не донеся новую чашу с вином до рта, – это еще не все новости?

– Узнав, что мы воюем заодно с македонцами и Карфагеном, остальные греки заключили союз против нас, который поддерживает римлян, – терпеливо разъяснил «непонятливому» брату Иллур. – Афиняне объединились с Аргосом,

Аркадией, Коринфом и Фивами. Даже Спарта колеблется. Передовые части греков движутся через Балканы к берегам Истра, в земли трибаллов, а македонцы до сих пор не сломили сопротивление Эпира.

Леха опешил, услышав такое.

– Если они пробьют оборону македонцев и ударят на мою новую ставку, в самое сердце, на помощь восставшим гетам, то оставленных сил может не хватить. Поэтому я должен сам повести войска.

– А что делать мне? – обреченно поинтересовался Леха, понимая, что совместное наступление скифов и кельтов с севера на Рим откладывается на неопределенный срок. Иллур собирался сначала решить свои, неожиданно возникшие проблемы.

– Флот Аполлонии пришел на помощь Истру и Томам, когда они атаковали Малую Скифию. Если их немедленно не выбить оттуда, а позволить закрепиться и дождаться наступления сухопутных армий греков, то мои новые владения могут быть расколоты сразу на несколько частей. А я этого не могу позволить. Не для того я так далеко зашел.

– Хорошая перспектива, – пробормотал бравый адмирал, все же опрокидывая чашу в себя.

– Поэтому ты завтра же… – начал Иллур, но Леха, недослушав своего кровного брата, оборвал на полуслове.

– Спартанцы? – неожиданно воскликнул Ларин, словно только что услышал это слово. – Но ведь я видел многих

спартанцев в войске карфагенян!

– Наемники, – презрительно фыркнул Иллур, – Спарта сейчас не та, о которой слагали легенды. Ее воины, познав власть денег [4], продают свое умение всем, кто лучше заплатит.

– Значит, им кто-то хорошо заплатил, раз они пошли против нас, – пробормотал Леха, собираясь с мыслями, – интересно кто? Уж не те ли, с кем свел дружбу старейшина Иседон?

– Еще не пошли, но это уже не важно, – ответил Иллур, разворачиваясь к нему.

«Кому как, – подумал Леха, вспомнив предателя, продавшего его грекам, – если найду, своими руками задушу».

– Так вот, Ал-лек-сей, – снова нараспев произнес его имя

---

[4] На протяжении нескольких столетий по законам Ликурга частным лицам Спарты полагалась смертная казнь за хранение у себя золотой и серебряной монеты. Деньги были практически запрещены. Каждый спартанец мог взять у другого совершенно безвозмездно все, что пожелает. Поэтому спартанцы называли себя «общиной равных». Роль денег выполняла очень мелкая и дешевая железная монета, для хранения которой строились целые амбары. Эти монеты в остальной Греции хождения не имели. Спартанцам же запрещалось использовать в расчетах «иностранную валюту», равно как хранить ее у себя дома и вывозить за рубеж. Это право имели только цари.Однако к тому моменту, о котором идет речь в романе, в Спарте было разрешено хождение денег, что привело к подрыву основ военного государства и его быстрому разложению. Спартанцы стали стремиться к накоплению богатств, как остальные греки, и, будучи хорошими воинами, часто продавали свои услуги иностранным государствам. Карфаген часто вербовал военачальников своих войск из спартанцев. Учителем Ганнибала тоже был спартанец.

царь скифов, – завтра на рассвете я вместе с Аргимом отправляюсь вдоль побережья в обратный путь со своей конницей. Здесь оставлю лишь малое число воинов, чтобы держать в повиновении иллирийцев до моего возвращения.

– А если римляне сами нападут? – не сдержался Леха, постепенно понимая, что с завтрашнего дня его жизнь покатится совсем по другому пути. Не так, как он себе представлял.

– Это дело кельтов, они на своей земле, – отмахнулся Иллур, и Леха понял, что спорить с царем бесполезно. Ганнибалу они пока не помощники. Еще чего доброго на виселицу можно было угодить, и так он вел себя почти панибратски. Иллур терпел его выходки до поры до времени, но и он мог осерчать. А на кого похож скифский царь в гневе, лучше было не вспоминать. Слишком много было примеров перед глазами.

– Ты отправишься одновременно со мной, но другим путем, – настоял Иллур, – отсюда через горы и вниз по Истру.

– Но ведь там живут эти… – пробормотал Леха, у которого от неожиданности повылетали из головы названия всех ближайших народностей, населявших верховья Истра, – кельты…скордиски, кажется. С которыми ты еще воевать не хотел, чтобы македонцев не задирать.

– Все так, – подтвердил Иллур, уперевшись руками в бока, – ты перегрузишь свою катапульту на телеги, она тебе еще пригодится в Малой Скифии. Возьмешь еще часть осадного обоза и повезешь через горы к истокам реки. Там наймешь

суда и доплывешь до крепости, которую отстроил перед походом к дарданам. Так быстрее будет. Вода в верховьях, как мне доносят, еще свободна от греческих кораблей, да и гетов там не слышно пока.

– Так как же я доберусь, – удивился Леха, – если мне через земли этих скордисков придется тащить катапульту. Она тяжелая, а я дороги не знаю. С боем пробиваться, что ли? Подмять под себя эти племена?

– Нет, – взмахнул рукой Иллур, делая шаг вперед, и пластины на его доспехах глухо звякнули, – воевать с этими кельтами не надо. Они и так теперь на нашей стороне, с тех пор как мы с македонцами в союз вошли. Македонцы дают мне проводников, они тебя уже дожидаются, завтра увидишь. Вот с ними до реки доберешься. Они тебе и с кораблями помогут. А дальше сам.

Леха кивнул, уже невольно начав обдумывать предстоящую операцию по переброске катапульты Архимеда совсем не в том направлении, на котором она должна была себя показать. «А ведь Федор был прав, – невольно усмехнулся Ларин, откусывая от сладкого яблока, – словно почуял неладное. Это „секретное оружие“ может и не в те руки угодить. Его же еще довести надо до места, да и там весело будет. Все может случиться. А Ганнибала мы, похоже, с подмогой „прокатили“. Прости, Федя».

– Когда доберешься до крепости, где твои корабли стоят, по воде, я уже буду там, – сообщил Иллур, – а если нет, то

пришлю гонца. К тому времени будет видно, сам управлюсь в степях или понадобишься. Если нет, то отправлю тебя с Аргимом сразу вниз по течению отбивать у греков побережье.

– А если афиняне с остальными туда раньше подоспеют? – поинтересовался Леха, вспомнив кое о чем. – Ты же говоришь, что они будто в земли трибаллов идут через горы.

– Не подоспеют, – пообещал Иллур, – путь вдоль побережья свободен. На перевалах македонцы. Я выступаю и буду у реки раньше греков. А там посмотрим, чего стоят эти хваленые гоплиты. Или ты испугался, брат? Что-то грустный стал.

– Я-то? – усмехнулся Леха, отряхивая крошки с бороды. – Да я любого спартанца порву, попадись он мне на дороге. Просто Федору обещал, что мы скоро у Рима встретимся, когда легионеров разобьем. А теперь вот неизвестно, что выйдет.

– Ничего, – уверенно заявил Иллур, – вот наведем порядок в наших новых владениях, греков отгоним, а там и сюда вернемся. Еще успеешь на развалинах Рима попировать. А этих хваленых спартанцев мы можем еще и не дождаться…

Иллур посмотрел в сторону углей, на которых тлел невесомый пепел от неизвестного письма, и добавил:

– Спартанцы переменчивы…

«Да уж, – невесело размышлял Ларин, пропустив мимо ушей последние слова кровного брата, – чтобы греков усмирить, похоже, придется сначала всю Грецию завоевать. Стоит только начать, увязнем по уши. Не скоро мы тогда сюда

вернемся. Да делать нечего, я же скиф теперь, как ни крути. Не Ганнибалу служу. А Иллур прав, этот Пуниец – воин известный, как-нибудь и сам разберется. Жаль только, что с катапультой так неудобно вышло. Ну да он меня простит, надеюсь. На хорошее дело использую – греков бить. Потом верну».

Больше ничего серьезного Леха в тот вечер не узнал, если не считать сообщения, что царица Ория со своими амазонками тоже покинет лагерь завтра. Вместе с Иллуром сарматы отправятся добивать восставших из пепла гетов.

Просидев с царем в юрте еще часок, они распили пару кувшинов отличного вина. Леха немного захмелел и вскоре почувствовал усталость. Трехдневное плавание, полное опасностей и ничуть не походившее на развлекательную морскую прогулку, давало себя знать. Леха вдруг захотел побыстрее добраться до своей юрты, что стояла на дальней оконечности укрепленного лагеря, и лечь спать. Завтра предстояло начинать новый поход, а перед этим следовало набраться сил.

– Пойду я, – сообщил он Иллуру и, получив разрешение, покинул шатер царя.

Пройдя мимо охранников, остановился, вдохнув напоенный морскими ароматами и можжевельником густой воздух, от которого еще больше закружилась голова. Осмотревшись, нашел глазами группу бойцов, поджидавших его возвращения, и, приказав им жестом следовать за собой, побрел между юртами привычной дорогой. Вскоре он добрался до ме-

ста, где отдельной группой стояли шатры его трехсот воинов. Между ними горели костры, на которых скифы готовили ужин в огромных медных котлах. От котлов доносились такие ароматы, что у адмирала потекли слюнки, но спать он хотел больше, чем есть. А потому зашагал прямиком к своей юрте.

Отмахнувшись от подскочившего с докладом Уркуна, Леха заявил ему, прежде чем сотник успел открыть рот:

– Завтра доложишь. С утра будь готов выступать, а сейчас отдыхайте. Да и я посплю.

Но не успел он пройти оставшиеся двадцать шагов до шатра, как послышался конский топот и в отблесках костров показались длинноволосые силуэты сарматских воительниц. Леха застонал, остановившись у входа в юрту. О чем-то подобном он подумал сразу, едва услышав от Иллура, что амазонки завтра тоже уходят в степи. Но в глубине души надеялся, что обойдется. Не обошлось.

Исилея осадила коня, спрыгнув на каменистую землю.

– Я уже думала, что не увижу тебя, скиф, – произнесла воительница, снимая шлем и встряхнув гривой своих волос.

Сидевшие у ближайшего костра скифские воины, даже оторвались от еды, невольно залюбовавшись статной красавицей, прелести которой были обтянуты кожей доспехов. Но стоило Исилее повернуть свое точеное лицо в их сторону, как бы невзначай положив свободную руку на меч, как все восхищенные улыбки мгновенно потухли. Воины обра-

тились к мясу и вину, стараясь не смотреть в сторону амазонок.

– Иллур приказал завтра уйти из этого лагеря в земли гетов, – добавила воительница, делая шаг навстречу скифскому адмиралу.

– Я уже знаю, – обреченно кивнул Леха, рассматривая ее узкое решительное лицо, на котором, словно уголья костра, ярко горели глаза, – завтра я тоже ухожу из лагеря, но другой дорогой.

Эта женщина обладала какой-то магической властью над ним, а может быть, он ее просто боялся. Поймав себя на этой мысли, бравый морпех несколько загрустил – не любил он зависеть от женщин. Да и вообще раньше не любил долгих отношений, но тут ему выбирать не приходилось. Вся атакующая инициатива находилась в руках амазонки, которая по неизвестной причине никак не хотела от него отказаться. У Ларина уже давно возникло странное чувство, что он очарован против воли. Заколдован. Ведь куда бы он ни убежал от этой неистовой женщины, рано или поздно она все равно являлась следом с отрядом своих воительниц. Казалось, соберись он обогнуть Африку на квинкереме и спрятаться там посреди эфиопов, она и туда доберется.

«А может, это и есть любовь? – подумал он, как-то отстраненно рассматривая лицо Исилеи, хищной кошки, уже подобравшейся к нему совсем близко, – Хотя больше похоже на муку, а не любовь. Или на охоту, где я только дичь. Впрочем,

есть в этом и приятная сторона».

– Значит, это последняя ночь перед походом? – произнесла Исилея, бросив взгляд на тонувший во мраке шатер адмирала. Он велел специально не разводить рядом костров.

– Да, – подтвердил Леха, решившись, – и мы не будем ее терять. Заходи!

Откинув полог, он пропустил вперед себя изумленную Исилею, ожидавшую долгих прелюдий и нерешительности с его стороны. И сам набросился на нее сзади, едва успев отстегнуть меч. В полумраке шатра – жаровня здесь давно горела, зажженная слугами, – Леха крепко прижал к себе привыкшую повелевать везде, даже в постели, Исилею и молча стал расстегивать крючки и застежки на ее богатом доспехе. А затем, когда из-под брони показалось нагое тело прекрасной амазонки, толкнул ее на ковер и сам быстро сбросил с себя панцирь. Усталость как рукой сняло. О сне он уже и не помышлял. В нем проснулся вепрь и жеребец одновременно. Исилея умела будить такие чувства. Она никогда не успокаивала и не ублажала, она всегда возбуждала его, а потом выпивала без остатка. Но на этот раз Леха твердо решил вести.

– Ты ждал меня? – спросила она, когда Леха опустился на колени и без разговоров провел рукой по ее груди, сжимая сосок, а затем принялся лизать его и быстро набухавшую грудь.

– Ждал, – быстро ответил Леха, спускаясь ниже и покрывая поцелуями упругий живот, дав Исилее обхватить свою

голову руками.

И это была чистая правда. Он не соврал. Он ждал Исилею теперь всегда, в любое время дня и ночи, едва получал весть о том, что где-то рядом остановилось войско сарматов. Так уж она его приучила за последний год.

Он совсем недолго ласкал ее и без того разгоряченные от скачки на коне бедра. А затем резко раздвинул их и вошел, излившись почти мгновенно и застонав от наслаждения. Эта женщина действительно могла завести его так, как никто, и сама не любила долгих прелюдий. Уткнувшись в ее теплую шею, Леха невольно вспомнил Тарнару. «Жаль девчонку, – подумал он и сквозь пелену наслаждения ощутил укол совести, – из-за меня погибла, а тоже была красотка».

– О чем ты думаешь? – тут же напряглась Исилея, словно прочитала его мысли.

– Ни о чем, – соврал Леха, откатываясь в сторону в желании немного передохнуть. Он был уверен, амазонка отпустит его только с рассветом, не раньше.

– Хочешь уехать со мной в Ерект? – вдруг спросила Исилея.

С Лехи мгновенно слетела вся истома. Он напрягся.

– Куда? – проговорил он, даже прекратив усталыми пальцами ласкать ее пупок.

– В Ерект и жить там со мной, – повторила амазонка, – у меня большой дом и много слуг. Тебе будет хорошо.

«Этого еще не хватало, – подумал Леха, – что она там за-

думала». Но вслух ответил другое.

– У меня тоже большой дом и много слуг, – проговорил он осторожно, – и золота хватает. Зачем мне ехать в Ерект? Да и царь меня не отпустит, я ведь на службе.

– У сарматов тоже есть царь, – как-то слишком осторожно проговорила Исилея, и Леха заметил сквозь полумрак, что воительница смотрит на него, словно изучает, – он ценит хороших воинов. Ты мог бы служить ему, а жить со мной.

– У меня уже есть царь, – ответил Леха, переворачиваясь на спину и, коснувшись плечом разгоряченного плеча Исилеи, ощутил словно разряд тока – так от нее полыхнуло обидой. Исилея замкнулась, погрузившись в свои мысли, но Леха сразу понял, что просто так от своих желаний она не откажется. Эта чертова баба привыкла получать все, что захочет.

«Вот ты чего желаешь, красавица, – молча думал Леха, глядя в потолок юрты, тонувший в темноте, – чтобы я, скифский адмирал, у тебя в доме жил. Да только кем, мужем или слугой? Ведь если мужем, то по нашим законам тебе придется подчиняться. А ты этого ой как не любишь. Не вынесешь. Я могу тебя к себе увезти, если захочу, зачем мне в сарматы подаваться и царю вашему служить. Своего кровного брата я предать не могу, да еще ради бабы, от которой спасу нет. А семья у меня уже есть, как ни крути».

Теперь ему вспомнились Зарана и сын, которого он уже долго не видел. «Так и вырасти успеет, пока я с войны ворочусь, – подумал Леха, мысленно переносясь в далекий

Крым, – а война у нас, похоже, надолго затянется. Выпросить, что ли, у Иллура отпуск на пару недель и смотаться в Крым, посмотреть на сына?»

Подумав так, он усмехнулся и даже развеселился. Этого Исилея вынести уже не могла. Она сама перешла в атаку, решив, что ее мужчина уже достаточно отдохнул, чтобы вновь попытаться удовлетворить желания амазонки. Без промедления девушка опустила свою ладонь вниз и сжала его мужское достоинство так, что Леха от боли даже вскрикнул. А затем отпустила и запрыгнула на него, обхватив бедрами.

«Опять начинается, – сдался Ларин, – ох уж мне эти наездницы». Но в этот раз амазонка «прокатилась» на нем сверху. Затем он снова взял власть в свои руки. Так они вырывали инициативу друг у друга до самого рассвета, оглашая юрту стонами, пока не забылись от усталости. Лишь когда первые лучи солнца окрасили скалы побережья в лазоревый цвет, Исилея выскользнула из шатра, облачившись в свои кожаные одежды. Перед тем как уйти, она наклонилась, шепнув ему на ухо:

– Подумай.

И растворилась среди шумов просыпавшегося лагеря.

Глава третья
Посланцы Гасдрубала

В особняк Ганнибала, схожий своим видом с настоящей крепостью, Федор прибыл довольно быстро. Служба командиром хилиархии давала ему привилегию по необходимости пользоваться лошадью, хотя он и считался пехотинцем. Что он и сделал, ведь Ганнибал не любил опозданий. По дороге, что вела вокруг холма на самый его верх, петляя между помпезными зданиями, в которых раньше обитала римская знать, а теперь генералитет финикийской армии, Федор Чайка успел подумать, зачем его вызывает командующий. И даже успел прийти к некоторым выводам, которые наводили его на странное предположение.

Командир двадцатой хилиархии участвовал в военных советах только в случае крайней необходимости, обычно когда его собирались отправить на разведку боем, как уже бывало под Капуей. Или в глубокий тыл к римлянам всего лишь с одной своей хилиархией, чтобы потоптать недавно созревший урожай и навести шороха позади обороны консулов, разгоняя отряды фуражиров. Все остальные вопросы он решал с Ганнибалом при личной встрече, как чуть раньше, например, выпрашивая катапульту для скифов. И сейчас особой необходимости в участии Федора, на первый взгляд, не

было. Римские войска напрямую не угрожали Таренту, даже напротив, после хорошего пинка, что они получили на Сицилии, зализывали раны и готовились к отражению массированного наступления на свою столицу. Флот противника, хоть и сохранил свою боеспособность, тоже находился недалеко от берегов средней Италии. Значит, новости могли прибыть только на той триере из испанского флота, что он заметил сегодня через окно. Несмотря на то что последние месяцы Федор больше отвечал за подготовку осадного обоза, чем за разведку, он был уверен – сенат Рима занят укреплением всех подступов к городу и помышляет только об обороне. Как вскоре выяснилось, он недооценил римлян.

Подскакав со звоном по вымощенной каменными плитами дорожке к самым воротам, Чайка осадил коня перед шеренгой африканских пехотинцев, спрыгнул вниз и бросил поводья одному из охранников.

– Ганнибал ждет вас, – сообщил ему командир охраны, поджарый финикиец с коротким, но широким шрамом у виска. Мельком отметив, что этого офицера он никогда не встречал на поле боя, Федор прошел сквозь расступившихся воинов в кожаных панцирях и поднялся по лестнице в главное здание. На каждом пролете широкой и длинной лестницы он тоже заметил по охраннику. Все они были в нарядных панцирях и сверкавших на солнце шлемах с плюмажами из белых перьев. «Что-то слишком много стало охраны, – удивился Федор, – раньше наш главнокомандующий не так пе-

реживал за свою жизнь».

«Впрочем, – подумал Чайка, останавливаясь в приемной у одной из римских статуй, до сих пор украшавших замок, – в последнее время он, похоже, ощутил себя настоящим властелином Южной Италии и стал трепетно относиться к свите. Иначе зачем здесь столько помпезно разодетых гвардейцев».

Закончив рассматривать статую, Федор поправил ножны фалькаты и шагнул сквозь открытые двери в следующее помещение. Это был протяженный зал для совещаний, где не так давно встречался со своими подчиненными Марк Клавдий Марцелл, а теперь высшие офицеры финикийской армии ожидали своего главнокомандующего. Среди столпившихся вокруг массивного стола, также доставшегося в наследство от римлян, был командир африканской пехоты, начальник конницы Магарбал, парочка новых офицеров из флота, имен которых Чайка не знал, и четыре командира хилиархий, двое из которых его старые знакомые по рейдам в глубокий тыл римлян – Адгерон и Карталон. Не хватало только нумидийского всадника Угурты, и компания, некогда предпринявшая первое наступление на Рим, была бы в полном составе. Федор едва успел окинуть взглядом всех собравшихся и поприветствовать, – оказывается, он прибыл последним, – как из открывшихся в дальнем конце зала дверей появился Ганнибал в сопровождении трех незнакомых офицеров.

Главнокомандующий армии Карфагена был вне себя от ярости – это было видно сразу. «Что-то стряслось, – догадался Федор, рассматривая лица незнакомцев и пытаясь понять, что за вести они привезли Ганнибалу, – причем что-то очень серьезное. Иначе сюда не стали бы собирать командиров сразу четырех хилиархий, не говоря уже об остальных».

Сделав приветственный жест, который показался Федору слишком нервным, Ганнибал разрешил всем ожидавшим его офицерам сесть за длинный стол, расположившись на стульях с невысокими, но широкими спинками, походившими на скамьи римских сенаторов. Эти стулья, как догадался Федор, не раз видевший такие раньше в домах римских граждан, тоже остались от прежних хозяев. «А Ганнибал не спешит распрощаться с римской мебелью и остальными украшениями», – удивленно отметил Федор, скользнув по статуям, которыми были уставлены все углы зала.

Сам Великий Пуниец остался стоять, упершись руками о стол, как и прибывшие с ним офицеры, замерев за его спиной. Это были смуглолицые ливийцы, затянутые в металлические кирасы, поверх кожаного нагрудника со свисавшими до колен ламбрекенами. Шлемы, которые они держали в руках, как водится, были украшены «ирокезами» из красных перьев. Все трое казались опытными вояками, правда, немного уставшими от сражений. По их суровым и напряженным лицам чувствовалось, что они привезли Ганнибалу с испанского фронта не слишком добрые вести как раз перед

наступлением на Рим.

«А этого я, кажется, знаю, – рассматривая самого низкорослого из них, напрягал память Федор, расставшийся с частями Гасдрубала несколько лет назад, но успевший повоевать с ними на Пиренеях, во время стычек с васконами и кантабрами, – если память мне не изменяет, его зовут Хират, он служил где-то при штабе брата Ганнибала».

– Готовы ли к походу твои солдаты, Атарбал? – нарушил наконец напряженную тишину главнокомандующий, поправив черную повязку, закрывавшую отсутствующий глаз.

– Да, Ганнибал, – ответил командир африканцев, – солдаты расквартированы в римских казармах, хорошо отдохнули и готовы выполнить любой приказ.

– Хорошо, – кивнул Ганнибал и, скользнув взглядом по лицу Магарбала, произнес, слегка усмехнувшись. – В коннице я тоже не сомневаюсь.

– Только прикажи, – тут же откликнулся финикиец, – и конница ударит по римлянам, где бы они ни прятались. Мы сокрушим любую преграду. Ты же знаешь, испанцам нет равных.

Ганнибал, довольный таким ответом, перевел взгляд на флотоводцев и вновь нахмурился.

– Где еще двенадцать триер, Гетрамнест, которые Аравад обещал прислать еще пять дней назад? – спросил Ганнибал, уперевшись недобрым взглядом в одного из морских офицеров.

– Аравад отправил их на Липарские [5] острова, – нехотя сообщил Гетрамнест, поднимая глаза на главнокомандующего, – там в последнее время часто появляются римляне. Мне он сообщил об этом только вчера.

Услышав об этом, Ганнибал еле сдержался. Вообще в отношениях этих двух военачальников уже долгое время сохранялась напряженность. Аравад, командующий так своевременно прибывшей на Сицилию новой армии пунов, вел себя как-то слишком независимо, скорее как полновластный хозяин огромного острова и больше подчинялся прямым приказам сената, чем указаниям Ганнибала. Нет, действовали они заодно, Аравад прислал часть своих солдат, слонов и кораблей в Тарент в качестве обещанной помощи, но на большее не шел, оставив основную армию на Сицилии. И Ганнибал никак не мог на него повлиять, что заставляло Великого Пунийца, привыкшего к почти неограниченной власти, нервничать. Федор, будучи свидетелем этих событий, понимал, что-то тут не так. Либо сенат уже не слишком доверяет Ганнибалу, несколько лет находившемуся вдали от метрополии, либо наоборот, Великий Пуниец не спешит выполнять все директивы сената. Впрочем, в точности об указаниях сената Федору известно не было, сенат перед Чайкой не отчитывался, а Ганнибал в детали не посвящал, и

---

[5] Липарские острова находятся на небольшом удалении от берегов Сицилии к северу. В разное время у этих островов неоднократно происходили сражения между римскими кораблями и флотом Карфагена.

все это могло оказаться лишь догадками.

– Что же, – проговорил Ганнибал, и в голосе его звякнул металл, – сообщите ему немедленно, что я жду эти корабли, как только угроза ослабнет. Липарские острова не стоят того, чтобы держать на них большой флот. Сицилия важнее. А кроме того, есть еще много других направлений, где мне в ближайшее время понадобятся корабли. Все, какие есть.

– Я сообщу, – наклонил голову Гетрамнест.

– Чайка, – произнес Ганнибал, и все взгляды вдруг обратились на Федора, – как идет подготовка нашего осадного обоза?

Командир двадцатой хилиархии едва не встал, вытянувшись по стойке смирно, так грозен был тон, которым произнес эти слова Ганнибал. У всех возникло чувство, что Федора сейчас казнят или отправят в ссылку. Но, к счастью, виновником такого настроения главнокомандующего был не он.

– Я уже получил из Сиракуз пять гигантских катапульт и ядра к ним, вытесанные из камня, – отрапортовал Федор, встретившись взглядом с главнокомандующим, – одну из них, правда, мы …

– Я помню, – оборвал его Великий Пуниец, видимо, решив, что не стоит посвящать всех собравшихся в детали отношений со скифами.

– Кроме того, позавчера от Гиппократа пришло судно, на котором греки привезли сорок три баллисты увеличенных,

по сравнению с обычными, размеров. Восемьдесят стрелометов, похожих на римские «Скорпионы», и еще две сотни гастрафетов. [6] Все это оружие я приказал перегрузить в пятый склад, что у военной гавани.

– Сколько еще орудий должен изготовить Архимед по договору с Сиракузами? – уточнил Ганнибал, бросив взгляд на стоявших за спиной ливийцев.

– Еще пятнадцать больших катапульт и несколько кранов с зацепами для обороны Тарента с моря, – закончил отчитываться Федор, – также я жду в ближайшие десять дней два корабля с каменными ядрами для них из каменоломен Сиракуз.

– Этот Архимед не слишком торопится, – выразил свое недовольство Ганнибал, но тут же добавил: – Впрочем, его орудия того стоят. Надеюсь, они помогут мне овладеть Римом. Придется подождать еще…

Он вновь обернулся, посмотрев на ливийцев, и перешел к главному:

– С недавних пор у нас появилась новая забота, весть о которой принес мне Хират, помощник Гасдрубала.

«Значит, я не ошибся насчет него, – с удовольствием отметил Федор, – это тот самый ливиец».

---

[6] Гастрафет – усиленный «брюшной лук», предтеча арбалета. Назывался так, потому что имел полукруглый упор у основания, на который опирался стрелок, производя заряжание. Был изобретен около 400 г. до н. э. в Сиракузах для Тирана Сиракуз Дионисия, готовившегося к отражению нападения Карфагена. Бил почти вдвое дальше обычного лука.

– Войска моего брата, которые двигались к нам на соединение, – начал вводить в курс дела своих офицеров Ганнибал, – были остановлены у самого Родана неожиданно появившимися там римлянами. Сенат Рима, чтобы помешать мне соединиться с армией брата, недавно, несмотря на положение в самой Италии, морем перебросил туда несколько легионов, которые с ходу вступили в бой.

Ганнибал немного помолчал, чтобы сообщить собравшимся самое неприятное.

– Этими легионами командуют консул Публий Корнелий Сципион и его брат Гней, которые еще до начала войны планировали вторжение в мои испанские владения, но быстрое продвижение армии Карфагена в Италию нарушило их планы. И вот теперь братьям наконец удалось нанести мне ощутимый удар.

Федор невольно отметил, каким тоном Ганнибал произнес «мои владения», прежде чем тот продолжил рассказ. Он говорил об Испании так, словно эта страна принадлежала ему лично.

– Легионы отбросили армию Гасдрубала от Родана почти до реки Ибера, вся территория к северу от которой сейчас вновь контролируется Римом. Наши владения в Испании уменьшились почти на треть. И есть сведения, что братья Сципионы продолжают наступление.

Сказав это, Ганнибал посмотрел на Хирата, который стоял справа, положив руки на пояс, словно разрешая тому всту-

пить в разговор.

– Они уже захватили Нарбонн и Эмпорий с помощью своего флота. А теперь осадили Тарракон, также блокировав его с моря, – сообщил Хират. – Наш флот провел несколько сражений, но блокаду разорвать не удалось – у римлян втрое больше кораблей.

Слушая Хирата, Федор невольно вспомнил о том, как начинал войну в тех самых местах. В Новый Карфаген он прибыл из Африки еще «зеленым» морпехом, а после сражения с римлянами оказался на берегу уже пехотинцем и прошел с армией Ганнибала весь трудный путь от Испании до Италии, пробивая себе дорогу через горы и реки, а когда требовалось и сквозь шеренги римских легионеров. Он отлично помнил Тарракон, после окружения и осады признавший власть Карфагена, и Нарбонн, неподалеку от которого месил ядовитые болота рядовым солдатом. Еще вчера это казалось давно забытым воспоминанием, но теперь вдруг вспыхнуло с новой силой. Ведь это были первые впечатления Федора Чайки от жизни под символом Карфагена.

– Римские корабли уже замечены неподалеку от бухты Нового Карфагена, – нехотя признал Ганнибал. – Сегодня утром я получил приказ сената отправить в Испанию половину своего флота.

Все собравшиеся офицеры напряглись, едва сдержав вздох разочарования. Все они понимали, что хотел сказать Ганнибал, – немедленное наступление на Рим, которого все

они ждали так долго, откладывалось. Хотя сам Ганнибал ничего об этом не сказал, но было ясно, что без поддержки флота полное окружение Рима невозможно. Однажды Ганнибал уже пытался это сделать и почти добился успеха даже без подкреплений. «Но второй раз он вряд ли на это решится, – подумал Федор, осторожно посмотрев на своего главнокомандующего, облаченного в черную кирасу с золотым орнаментом, – даже с катапультами Архимеда. Хотя кто знает… не зря же его прозвали Великим Пунийцем».

– Аравад приказал сообщить тебе, – неожиданно вставил слово Гетрамнест, будто только что вспомнил об этом, – что и ему приказано отправить туда большую часть кораблей. А также пять тысяч пехотинцев из Агригента, Солунта и Мессаны.

Но эта информация уже не удивила и не привела в бешенство Ганнибала. Он лишь слегка улыбнулся, будто знал или ожидал чего-то подобного.

– Я слышал об этом, – удивил он Гетрамнеста и остальных своей осведомленностью, – порты Сицилии, особенно Массана, вновь будут ослаблены перед возможным римским вторжением. Но там все же останется достаточно солдат, чтобы удержать все главные крепости. Это меня не так беспокоит, как возможность потерять другую половину Испании.

Ганнибал распрямился, скрестил руки на груди и стал расхаживать вдоль стола.

– Слишком долго мы покоряли просторы этого благодат-

ного полуострова, чтобы просто так отдать его римлянам, жаждущим реванша за потерю Сицилии. Поэтому мы выполним приказ сената и поможем армии Гасдрубала сдержать натиск римлян. Я тоже отправлю часть своих солдат в Испанию, поэтому вы здесь.

Говоря это, Ганнибал обвел взглядом командиров хилиархий. «Так вот оно что, – смекнул Федор, – интересно, меня Ганнибал оставит завершать подготовку осадного обоза или отправит вместе с остальными?»

– Атарбал, – начал излагать свой новый план главнокомандующий, остановившись недалеко от окна и даже не смотря на того, к кому обращался, – ты немедленно подготовишь к отправке четыре хилиархии, командиры которых находятся здесь. Они должны быть в полной готовности к рассвету завтрашнего дня, когда пятнадцать квинкерем отправятся к берегам Испании.

– Я немедленно начну подготовку солдат, – ответил старый воин. Он слегка подался вперед, чтобы поклониться, и сморщился от боли. Левая рука Атарбала висела на перевязи – эту рану он получил во время сражения за Тарент. Римский пращник поразил его со стены, когда бесстрашный командир африканских пехотинцев лично осматривал позиции.

– Командовать этим отрядом будет Федор Чайка, – закончил Ганнибал и, обернувшись посмотрел на него, – а обозом вместо него пусть займется другой офицер. Это задача не требует большого усердия, только исполнительности.

А Чайка уже зарекомендовал себя как дерзкий военачальник в Италии, и теперь ему предстоит проявить себя также в Испании.

Слегка удивленный Федор, который едва успел перебраться в Тарент, кивнул и невольно посмотрел на своих сослуживцев. Адгерон и Карталон, с которыми он уже не раз воевал плечом к плечу, тоже казались удивленным. Они, как и все в этой комнате, скорее ожидали услышать от Ганнибала приказ наступать на Рим. А вместо этого завтра отправлялись в Испанию. Но такова уж доля солдата.

Двух других подчиненных Чайки в этом рейде звали Атебан и Абда. Это были толковые военачальники, которые тоже служили под началом Атарбала командирами двенадцатой и тринадцатой хилиархий. В общем строю с этими хилиархиями Федор стоял только в битве при Каннах, а с тех пор на войне почти не выполнял совместных операций. Но слышал, что ребята боевые и уничтожили немало римских манипул. При штурме Тарента две эти хилиархии отличились. Видимо, потому Ганнибал и отобрал их для выполнения нового задания.

Флотоводец Аравада Гетрамнест, прикомандированный к эскадре Тарента, судя по всему, тоже должен был отправиться с ними. Правда, из других соображений. Ганнибал недолюбливал тех, кто открыто выражал подчинение Араваду.

– Но с кем же мы будем наступать? – не выдержал Магарбал. – Из солдат Атарбала останется едва ли половина, а од-

ной конницы, пусть и такой сильной, не хватит, чтобы захватить Рим. Кроме того, едва узнав, что мы ослабили оборону Сицилии и даже Тарента, они наверняка попробуют атаковать нас здесь.

– Не забывай про кельтов и луканов, – напомнил Ганнибал, – а кроме того, война в Испании не продлится слишком долго. Получив подкрепления, Гасдрубал отбросит и разобьет римлян, их там всего четыре легиона, а затем сам поспешит сюда. Уверен, он прибудет со своей армией в нужный момент.

Магарбал был не слишком доволен таким ответом, но выбора у него не было. Начальник конницы умолк, изучая статую, стоявшую напротив стола.

– Что касается флота, – закончил Ганнибал, – то, приняв на борт африканские хилиархии, завтра отсюда уйдут пятнадцать квинкерем, в том числе и твоя, Гетрамнест. Ты будешь командовать этой эскадрой и отведешь ее в Лилибей, где тебя дожидаются корабли Аравада. Оттуда вы все вместе отплывете в Новый Карфаген и уже на месте получите от Гасдрубала приказ, как действовать.

Гетрамнест просиял, он и не ожидал, что Ганнибал оставит ему общее командование эскадрой. Но, радость его была несколько преждевременна.

– Правда, не все, – добавил вдруг Ганнибал, – из Лилибея ты отправишься дальше только с тремя кораблями. Остальные Федор Чайка поведет другим курсом.

– Но, – попытался возразить обескураженный Гетрамнест, бросив взгляд на не менее озадаченного Федора, – ведь Чайка не флотоводец. Вряд ли Аравад доверит ему вести корабли. [7]

– Аравад останется на Сицилии, – проговорил Ганнибал с нажимом и, пристально взглянув в глаза Гетрамнеста, добавил: – А кроме того, не Аравад отдает здесь приказы. Поэтому из Лилибея Чайка поведет эскадру дальше, туда, куда я ему укажу. С ним будет достаточно опытных моряков, и я уверен, он справится. Его флагманом станет «Агригент», капитан которого, Бибракт, хорошо знаком Чайке как бывалый моряк.

Федор, на которого сыпалась одна новость за другой, предпочел молчать. Если уж Ганнибал задумал услать его к черту на рога, то помешать сделать это ему никто не в силах. Ни римляне, ни Аравад, ни даже сенат Карфагена.

– С тобой на корабле поплывут послы Гасдрубала, – заявил главнокомандующий, посмотрев на Чайку, несколько изумленного таким поворотом событий, – которых ты должен доставить обратно к моему брату целыми и невредимыми.

– Я буду стараться, – проговорил Федор, не придумавший ничего более умного.

---

[7] Строго говоря, управление армией и флотом в Карфагене осуществлялось из разных источников (министерств), и зачастую корабли действовали обособленно от военных действий на суше. В данном романе мы несколько изменили эту традицию.

На этом аудиенция закончилась, но Ганнибал, отпустив даже послов, приказал Чайке остаться и проследовать за ним в кабинет. Там он открыл один из потайных ларцов и, вынув оттуда запечатанный с двух сторон свиток, протянул его новоявленному флотоводцу.

– Этот папирус ты должен доставить лично моему брату, – заявил он, став серьезным, как никогда, – и передать так, чтобы никто тебя не видел. Хират повезет другое письмо, но главное содержится здесь. Поэтому, что бы ни случилось, ты должен достигнуть берегов Испании и встретиться с моим братом. После того как он прочтет письмо, будешь действовать так, как он прикажет.

Федор кивнул, несколько озадаченный тоном, которым ему отдавали этот приказ. Получалось, что просто доплыть до Испании и найти Гасдрубала представлялось Ганнибалу более трудной задачей, нежели вся последующая война на Пиренеях. У Федора зашевелилось неприятное предчувствие, что его могут по дороге просто попытаться убить, как тогда перед самыми переговорами с царем скифов. Кто подослал к нему убийц, узнать ведь так и не удалось. Оставались лишь одни догадки, ничем не подтвержденные. Впрочем, судя по тому, что писем к брату было сразу два, послов могла ждать та же участь. «Опять без меня меня женили, – раздосадованно подумал Федор, которому не нравилось, что его снова, против воли и не сообщая деталей, втягивали в какие-то интриги, совсем небезопасного свойства, – ох уж

мне эти игры». Ему даже захотелось отказаться, но, взглянув на Ганнибала, который мог подумать, что Федор просто струсил, Чайка еще раз кивнул и проговорил:

– Письмо будет доставлено, Ганнибал.

– От твоего плавания будет зависеть очень многое, – сообщил на прощание Великий Пуниец, – и, если все пройдет так, как я задумал, ты получишь очень хорошую награду.

– Лучшая награда для меня – это участвовать в штурме Рима и увидеть, как падет этот город, – не смог сдержать эмоций Федор, которому показалось, что все самое интересное теперь произойдет в Италии без него. А кроме того, ему не хотелось так скоро покидать Юлию и сына.

– Будь уверен, Чайка, – успокоил его Ганнибал, – Рим падет, и ты сможешь принять участие в этом. Но то, что ты должен сделать, сейчас для меня гораздо важнее, чем падение Рима, который все равно обречен. Отправляйся в путь.

О том, когда ему будет разрешено вернуться в Италию к своей любимой женщине и ребенку, он не стал даже спрашивать. По всей видимости, не раньше чем будут рассеяны легионы братьев Сципионов, так некстати вторгшиеся во владения Баркидов.

Глава четвертая
На марше

Перегрузить гигантскую катапульту на телеги оказалось ничуть не легче, чем с берега на неприспособленный корабль. Одна из балок даже упала с пирса в воду, едва не зашибив тащивших ее солдат. Но, к счастью, вся конструкция была обвязана веревками, и ее вскоре вытащили. А бойцы, нахлебавшись воды, сами выбрались на берег.

– Эх, – сокрушался Леха, глядя на свои неуклюжие приспособления и вспоминая целые системы и обвязки из разнокалиберных блоков, устроенных Архимедом на стенах Сиракуз и в порту, – мне бы хотя бы парочку из них, управился бы мгновенно.

Бородач Токсар молча взирал на эти усилия, стоя рядом. Когда последняя балка была поднята на крутой берег и уложена на телеги, большинство из которых приходилось сцеплять между собой, делая подобие платформы, караван из двенадцати возов был готов. Кроме гигантской катапульты Архимеда здесь было еще восемь баллист из осадного обоза, которые предстояло применить против греков или всех, кто осмелится встать на пути.

«Да, сюда бы тягач на гусеничном ходу с прицепом, – размечтался Леха, разглядывая хозяйство, которое ему пред-

стояло тащить по горным дорогам до самой реки, и вспоминая прошлую жизнь, – и пару БТРов для комплекта. Но… придется обходиться своими молодцами. Ничего, как-нибудь доберемся до крепостицы кельтов, а там и корабли найдутся».

Леха бросил взгляд в сторону на пятерых рослых волосатых бойцов с размалеванными рожами. Все они были одеты в кольчуги, трое тащили на себе длинные мечи и щиты, а двое предпочитали из оружия громадные обоюдоострые топоры. Они стояли сейчас чуть поодаль, опустив их на землю и облокотившись на длинную рукоять. С интересом наблюдали за погрузкой странного оружия, о силе которого даже не догадывались. Ларин видел однажды, как эти ребята управляются с топорами, и остался под впечатлением. Он не отказался бы иметь среди своих людей небольшой отряд, хотя бы человек пятьдесят, таких вот удальцов с топорами. Но сейчас эти «дровосеки» были его проводниками из племени кельтов-скордисков, которых прислал Иллур, а тому «одолжили» македонцы.

При них был еще переводчик из македонцев по имени Эвбиад – одетый в застиранную тунику жилистый старик, с изуродованной ногой, на которую он сильно прихрамывал во время ходьбы. Однажды, когда тот умывался у ручья, Леха обратил внимание на его спину. Там имелись многочисленные багровые полосы, следы от палок и плетей. Из чего Ларин сделал заключение, что этот ученый старик происходит

из рабов приславшего его Плексиппа, который не слишком милостиво обращался со своим переводчиком. Едва увидев, как тот ковыляет по тропе, Леха решил, что Плексипп посмеялся над ними и старик не дойдет до ближайшего перевала, но выбирать не приходилось.

– Выступаем, – махнул рукой Леха, когда последние приготовления в обозе были закончены, и, взобравшись на коня, тронул его шагом, выехав на петлявшую вдоль побережья дорогу.

Там его поджидали три сотни собственных воинов и еще две приданные Иллуром. Этих солдат должно было хватить для охранения небольшого осадного обоза, который им предстояло перетащит через горы к Истру. Боеприпасов с собой почти не взяли. Большой войны, по прогнозам скифского царя, в верховьях реки не ожидалось. Обитавшие там кельты-скордиски и другие племена к македонцам относились вполне по-дружески, считаясь их данниками. Да и к скифам, которые пока не вторгались на их земли, особой вражды не питали. Не все, конечно, но Лехе и не нужно было со всеми мир-дружбу наводить, главное добраться до реки беспрепятственно и сплавиться по ней до собственной крепости, воссоединившись с основными силами. А там видно будет.

Три дня они двигались по дороге вдоль побережья, без особых проблем, встречая лишь собственные разъезды да посыльных, которых Иллур слал с дороги в оставленный ос-

новными войсками лагерь. Несколько раз Леха, разглядывая морскую гладь, видел в море корабли, очень похожие на римские квинкеремы. Он даже был готов к неожиданному сражению с легионерами. Но корабли, едва приблизившись к берегу, тотчас отворачивали от него и вновь пропадали среди волн, не сделав ни единой попытки высадить десант на подконтрольное скифам побережье Иллирии. Впрочем, этим утром над морем висела легкая дымка, и адмирал не поручился бы за то, что это не македонские или карфагенские корабли, совершающие обход приграничной территории.

«Чем там Федор, интересно, занят, – подумывал Леха, покачиваясь в седле, – наверное, уже к Риму движется со своими баллистами. А я вот в обратную сторону. Что поделать, армия».

Переведя взгляд с моря на поросшие лесом скалы, Леха стал беспокоиться о том, что они уж слишком долго продвигаются вдоль побережья. Путь к большой реке должен был явно увести их куда-то в сторону. Но проводники упорно шли вперед день за днем.

Наконец продвигавшиеся в голове колонны кельты свернули с основной дороги на боковую, устремившись по ней вверх. Движение сразу замедлилось, поскольку эта дорога больше походила на тропу.

– Сколько еще до реки добираться? – уточнил адмирал, поравнявшись через некоторое время со стариком, который

присел на одну из телег в голове колонны. В нее проводники-кельты сложили свои топоры и мечи, а сами продолжали гордо шествовать рядом, как показалось Лехе, даже «свысока» поглядывая на скифских всадников, словно были здесь лучшими воинами.

Грек что-то пробормотал, обратившись к ближайшему кельту, рослому длинноволосому парню, на котором Ларин увидел шлем с фигуркой птицы на самом верху. Тот остановился, провел рукой по усам и ответил на своем языке короткой фразой, махнув рукой в сторону ближайших гор, поросшие лесом вершины которых терялись под облаками. Утро было прохладным для этих мест.

– Если пройдем тот перевал спокойно, – перевел грек, погладив уставшую ногу, – то дней через пять.

– А что там? – уточнил Ларин по-гречески, подучивший язык за время пребывания в Сиракузах – на этом перевале.

– Недалеко находится деревня ардиев, – сообщил Эвбиад, с удивлением посмотрев в глаза адмиралу, – а за ними уже близко земли скордисков, где мы будем в безопасности. Но здесь они могут напасть на нас. Тогда придется драться.

– Иллур уже давно привел к покорности этих ардиев, – хвастливо заявил Леха, хотя и не имел о том точных сведений, – но даже если кто и осмелится на нас напасть, то это ему очень дорого обойдется.

Выслушав грека, кельты переглянулась между собой, и парень вновь выразил общее мнение.

– Твои воины почти так же хороши, как и кельты, – осторожно перевел Эвбиад, поглядывая на грозного адмирала, – мы отобьемся.

Леха еле сдержался, чтобы не сбить спесь с этого самоуверенного наглеца в кольчуге, и, лишь смерив его взглядом, молча поехал вперед. А про себя подумал: «Тебе повезло, парень, что Иллур пока не решил присоединить ваши земли к своим. Ведь, сколько бы там вас ни было, умельцев работать топорами, вам все равно была бы одна дорога – или в подданные, или в сырую землю. Так что радуйся, что мы пока добрые соседи».

Часа через четыре, объезжая холмы, вдоль которых петляла дорога, они втянулись в горы. Затем еще почти полдня, пока не поднялись на перевал. К этому моменту море окончательно пропало из глаз за лесными склонами. Подъезжая к пологому перевалу, Леха услышал шум воды. Множество ручьев стекало с окрестных гор, сливаясь в некое подобие двух речек, что текли вниз по обе стороны от размокшей дороги. То и дело здесь попадались больше лужи, и телеги стали вязнуть в ямах и промоинах, проседая под грузом. Вязли и копыта лошадей. Без того небыстрое, движение еще замедлилось.

– Здесь есть македонские посты? – поинтересовался Федор, остановив коня у телеги Эвбиада, которая застряла в размокшей глине, и посматривая по сторонам. Эти горы уже не были голыми скалами. На них было много земли, рос лес

и текли ручьи. Вероятно, водилась и живность. А где живность, там и охотники. Очень уж место было удобное для засады.

– Нет, – ответил старик, стоявший рядом с телегой и наблюдавший, как возница и солдаты выталкивают ее из ямы, – этой дорогой наши войска пользуются редко. Все посты, что выставил мой хозяин Плексипп, находятся дальше по дороге у моря. На тех перевалах, что почти у самой границы с Эпиром.

– Зачем же тогда эти кельты повели нас сюда? – насторожился Леха.

– Вероятно, эта дорога короче, – ответил Эвбиад, пожав плечами с таким видом, словно говорил «мол, мое дело только переводить, а дорога меня не касается», – ведь другой путь ведет в Македонию и дальше в земли других греческих полисов.

– Ну что же, – кивнул Леха, придерживая дернувшегося неожиданно коня за поводья, – спроси тогда у них, тот ли это перевал, о котором они говорили?

Впереди обоза шел авангард из сотни Уркуна, который проводил разведку, и от него пока никаких тревожных вестей не поступало. Но адмирала все равно грыз червячок сомнения, пока он осматривал сдавившие дорогу горы, поросшие плотным лесом. Конных туда не пошлешь, а за этими соснами могло укрыться немало лучников. «Чего это я задергался, – пристыдил себя бравый адмирал, – только из ла-

геря уехали, можно сказать, а мне уже за каждым кустом враги мерещатся. Да Иллур тут уже давно всех повывел».

И он отъехал, не дождавшись перевода, хотя грек уже приблизился к проводникам, которые тоже нервно вглядывались в окрестные горы, не слишком удаляясь от телеги с оружием.

– Они говорят… – начал Эвбиад, но Ларин проехал мимо, махнув рукой.

Однако не успел он проскакать и десяти метров, как услышал свист стрелы и за его спиной раздался сдавленный вопль. Почуяв неладное, Ларин развернулся и увидел, как один из кельтов опустился на колени, пытаясь выдернуть застрявшую в его шее стрелу. Еще через мгновение, окровавленный, он упал лицом в мокрый песок. А рядом с ним и второй, которого тоже нашла стрела, прилетевшая из леса. Те, кто пускал их, явно знали, кого нужно уничтожить первыми.

– Твою мать! – выругался Ларин, услышав свист новых стрел и резко поднимая щит, в который тотчас вонзились сразу две.

Развернув коня, он крикнул гарцевавшему в двух шагах Токсару, которому ради этого похода тоже пришлось сменить корабль на коня.

– Охраняй проводников! Головой отвечаешь. Инисмей, за мной! – И, выхватив меч, поскакал к тому холму, откуда их обстреливали, увлекая за собой сотню Инисмея.

Обстрел велся плотный, за деревьями засело немало луч-

ников. И, пока Леха доскакал до леса, уклоняясь или отбивая стрелы щитом, от них полегло человек десять скифов. Когда он первым влетел в лес, проносясь между валунами, то успел заметить, что проводники, которых он надеялся удержать рядом с обозом под защитой всадников, похватали свое оружие и несутся следом, издавая крики ярости.

Идя в атаку, Ларин надеялся сразу же заставить замолчать лучников, но этого не вышло. Атаковать широкими фронтом здесь не получалось, между деревьями скифы тотчас растеклись на отдельные потоки и ручейки, уязвимые для «снайперов». А когда еще пришлось заставлять коня карабкаться по скользкому, замшелому склону вверх, положение атакующих и вовсе стало уязвимым. Ларин уже видел бойцов в темных кожаных куртках и еще в каких-то белых, возможно, козьих шкурах, которые били наступавших скифов почти в упор, ссаживая их с лошадей и даже не думая отступать.

– Хорошо стреляют, сволочи, – сплюнул Леха, когда пригнулся под нависавшей сосновой веткой, чтобы не вылететь из седла, и услышал как стрела, едва не чиркнув по шлему, вонзилась в ствол.

Теряя людей, скифы все же взобрались по склону и достигли места, где засели ардии. А в том, что это могли быть только они, Леха уже не сомневался. Он заставил своего коня проскочить в узкую щель между валунами и оказался позади двух бойцов, посылавших стрелы навстречу его воинам. Леха уже собирался рубануть по незащищенной голове ближ-

него, в козьей шкуре, но на его пути вновь встала ветка сосны, на которую бравый адмирал со всего маху налетел грудью. В последний момент Ларин успел отбросить щит и схватиться за нее рукой, сжав изо всех сил меч, чтобы не выронить. Его конь поскакал дальше, а Леху выдернуло из седла. Понимая, что у него есть лишь секунда, чтобы уйти от прямого попадания лучника, находившегося буквально в трех шагах, Ларин спрыгнул на землю. Еще в полете увидел, с каким удовольствием заросший бородой пират натягивает тетиву, и буквально на мгновение раньше успел метнуть в него свой меч.

Нет, не зря его когда-то тренировали в морской пехоте метать тяжелые клинки и топоры. Попал. Скифский меч пробил шкуру, служившую этому ардию доспехом, и лучник упал в яму между камнями. А второго убил кто-то из проскакавших мимо скифов. Леха нырнул в яму, выдернул из тела мертвеца свой окровавленный меч, поднял щит и огляделся.

Справа и слева от него скифы, спешившись, теперь вели перестрелку на равных с ардиями и начинали теснить их, отжимая вверх по склону. Кое-где противники уже схватились на мечах. Но всю картину было не окинуть взглядом, мешали деревья. Однако, перед тем как на него напали сразу трое ардиев с мечами в руках, он увидел, как с дороги в лес вбежали трое оставшихся в живых кельтов, размахивая оружием. «Не сидится им на месте, – в раздражении подумал Леха,

отбегая в сторону, чтобы сохранить возможность для маневра, – вот убьют их, кто меня тогда к Истру выведет?»

Впрочем, пока следовало подумать о себе. Трое рослых бойцов в кожаных рубахах, отбросив луки, накинулись на него с клинками. Рассмотрев то, что было у них в руках, Леха решил, что это не мечи, а скорее кинжалы, похожие на охотничьи. Впрочем, прирезать человека такими тоже было вполне реально. Крутанув головой, Ларин понял, что на этот раз подмоги ждать неоткуда. Скакавшие за ним скифы уже прорвались чуть левее по склону, а его закрывал от взглядов валун, к которому он был прижат. «Придется выкручиваться самому, – прикинул Леха, быстро оценив шансы, – их трое, но без луков. А у меня есть щит и меч. Значит, повоюем».

– А ну-ка, – прокричал адмирал, вскидывая меч, – опробуйте-ка это!

И не став дожидаться, пока на него нападут, сам пошел в атаку. Сделав резкий выпад, он рубанул мечом и отсек кисть ардию, слишком далеко выставившему свой нож. Тот взвыл от боли, схватившись за обрубок здоровой рукой, запрыгал на месте, а потом упал на траву и стал кататься по ней, оглашая окрестности дикими воплями. Двое его товарищей, на мгновение опешив, продолжили атаку, не дав Лехе воспользоваться их замешательством. Он сразу попытался резким выпадом поразить в шею второго, но тот оказался проворнее. Уклонившись от меча, сверкнувшего в сантиметре от его кадыка, боец ударил адмирала по ноге, умудрившись провести

подсечку. После нее Леха рухнул на спину и едва успел отразить щитом удар ножа, но после мощного удара ногой остался и без щита.

Новый удар в бок заставил его едва не взвыть от боли и выронить меч. Перекатившись в сторону, Леха ударился о дерево, но все же успел подняться на ноги, пока его не прирезали лежачим. Метать ножи эти ардии, к счастью, не стремились, видимо, решив, что добыча уже никуда от них не денется. Увидев, что враг повержен и обезоружен, ардии словно играли с ним, давая шанс еще немного подергаться перед смертью. Однако Лехе совсем не улыбалась перспектива быть разделанным на части пусть и хорошими ножами. Не для того он здесь оказался.

Притворившись, что потерял силы, он дал приблизиться одному из них и, когда тот оказался рядом, предвкушая, как вонзит нож в ослабевшего врага, нанес короткий удар по лодыжке ногой. Боец взвыл, согнувшись. А Леха подскочил, словно разогнувшаяся пружина, и нанес еще один удар по колену. Когда раздался хруст и боец согнулся от боли, он ударил его кулаком в лицо, оглушив, а через мгновение уже летел головой вперед на второго противника. Руку с ножом он успел перехватить.

Но этот ардий тоже оказался крепким. Почти задохнувшись от удара головой в грудь, – шлем Леха потерял, еще когда падал с коня, – ардий не выпустил ножа. Сколько времени они катались по траве, одной рукой стараясь задушить

друг друга, а другой вскрыть горло ножом, Ларин не запомнил. Наконец Лехе удалось крепко приложить затылком о камень своего противника, а когда тот на секунду ослабил хватку, вырваться и нанести удар кулаком в кадык. Отпустив его, ардий захрипел. А Леха сбросил с себя противника и, выхватив нож, в ярости воткнул лезвие ему прямо в грудь, пронзив кожаный доспех. Ардий затих.

Быстро отыскав свой меч, Леха добил остальных – сначала того, которому сломал ногу, пригвоздив его мечом к траве, едва боец попытался подняться. А затем и другого, которому отрубил руку. Этот ардий еще скулил и даже попытался убежать, увидев адмирала, но не успел. Короткий удар, и еще одним ардием на этой земле стало меньше.

Расправившись с врагами, Леха осмотрел сначала поляну у валуна, а затем, поднявшись на него, и остальное поле боя, насколько смог. Скифы уже оттеснили ардиев далеко на вершину. Стрельба по обозу, который был виден отсюда сквозь деревья, почти прекратилась, но бой еще не закончился. Со своего места, ухватившись за дерево, чтобы не упасть вниз, приходивший в себя адмирал разглядел жестокую схватку, похожую больше на избиение младенцев.

Метрах в пятидесяти от него, между камней несколько ардиев точно так же, как минутой раньше его самого, пытались окружить одного из его кельтских проводников. Присмотревшись и заметив в их руках те же кинжалы, Ларин даже рассмеялся. Кельт был один, а его противников шестеро, но

у него в руках был топор.

– Идиоты, – усмехнулся Леха, даже немного повеселев, – идти на кельта с ножиком это все равно, что на медведя. А у этого «медведя» еще и топор.

Все происшедшее следом полностью подтвердило его предположения. Ардии попытались наброситься на него сразу со всех сторон, чтобы использовать численное преимущество, но из этого ничего не вышло.

Проводник, а это был тот самый молодой парень, с которым он беседовал сегодня утром, с размаху нанес удар своим чудовищным оружием первому подскочившему и буквально сшиб его с ног, едва не разрубив напополам. Попавший под удар так и не поднялся. Затем кельт перехватил топор в другую руку и рубанул острием в плечо второго ардия, видимо, проломив грудину. Боец упал замертво, а кельт продолжал вращать топором вокруг себя, не подпуская остальных ближе чем на несколько метров. Он даже что-то кричал им, наверное оскорбления. Но ардии не слишком торопились отпробовать его отпора на собственной шкуре, видя, что сделал этот парень с их товарищами.

Наконец проводник не выдержал и сам пошел в атаку, решив отомстить за своих убитых сородичей. Хлестким ударом он едва не отсек голову широкоплечему ардию, в последний момент нырнувшему в щель между камней. А когда отводил топор назад, то вторым лезвием достал другого бойца, вспоров тому живот. Потом изящным движением – Леха да-

же залюбовался, позабыв про окружавшую его со всех сторон опасность – подсек ногу третьего воина, заставив рухнуть на траву. Когда тот упал, пытаясь отползти в сторону, приволакивая окровавленную ногу, кельт подскочил к нему и в ярости нанес завершающий удар страшной силы, расколов череп ардия, как арбуз.

Увидев это, остальные бросились врассыпную, а кельт устремился следом за тем бойцом в козьей шкуре, что едва избежал его удара. Успел проводник догнать свою жертву или нет, Леха не увидел. Со стороны дороги вдруг послышались крики, и новая волна ардиев скатилась с горы, обрушившись на охранение обоза. Конные скифы встретили их тучами стрел, но расстояние от кромки деревьев до обоза было невелико, и к тому моменту, как ардии смогли его пересечь, погибли не многие. Леха с удивлением увидел, как пешие воины с мечами – на сей раз это были действительно мечи – и луками атакуют конницу, которой было не развернуться для ответной атаки в узком пространстве.

– Ах вы, суки. – взревел Леха, разыскивая глазами своего коня, – засаду мне устроили с отвлекающим маневром. Ну я вам сейчас покажу, как надо гостей встречать!

Он свистнул на особый манер и вскоре услышал знакомый стук копыт, приглушенный землей.

– Жив, бродяга, – с радостью воскликнул Леха, увидев своего коня, пробиравшегося между сосен, – не закололи тебя эти горцы. А ну, давай еще потрудимся.

И вскочив с камня в седло, он потянул за поводья, направив коня обратно вниз.

– Давай за мной! – крикнул Леха, пролетая мимо сотника, который только что выпустил стрелу куда-то в лес. – Надо обоз отбить! А здесь уже все в порядке.

И не обращая внимания на еще не затихший в лесу бой, устремился вниз, вскинув меч. Когда он оказался на дороге, где кипела жестокая схватка, за ним выскочило из леса человек пятьдесят. Не дожидаясь остальных, Леха ударил во фланг многочисленных ардиев, которые пытались отрезать его отряд от леса и окружить обоз. На первый взгляд их было здесь человек двести. «Большая же тут должна быть деревня, – усмехнулся Леха, влетая в гущу сражения за обоз, – и богатая, если такое воинство выставила».

Ардии, напав неожиданно вдоль всего обоза, смогли в двух местах даже потеснить конных скифов, и Леха с замиранием сердца увидел, как несколько бойцов в козьих шкурах вскочили на телеги, к которым были привязаны балки гигантской катапульты Архимеда. Скифы тут же убили их стрелами, но вскоре туда взобрались новые ардии, как и кельты, вооруженные топорами. Некоторые даже зачем-то держали в руках факелы, хотя в лесу еще было светло. И Ларин, нанося удары мечом по всем подвернувшимся головам, сразу понял зачем. В пылу схватки ардии не только отбивались от скифов, но и старались разрубить и поджечь то, что лежало на телегах. Кое-где телеги уже горели. Увидев, как

эти пираты уничтожают его осадный обоз, который еще не сумел даже добраться до Истра, адмирал рассвирепел.

Прорубившись сквозь строй ардиев с мечами и копьями, он подскочил к телеге, на которой один из пиратов, убив возницу, пытался запалить разобранную на части баллисту, и рубанул его мечом по спине. Тот охнул, выронил факел на мокрую землю и сам упал под копыта скифских коней. Факел потух, издав злобное шипение.

– Дави этих свиней! – орал Леха, разворачивая своего коня и бросая его в толпу козьих шкур. – Бей! Не давай подойти к обозу!

Воодушевленные появлением своего командира, скифы оттеснили ардиев от обоза по всему фронту и стали выжимать их с дороги к лесу. Все же оборонявшихся на невыгодной позиции скифов было больше чем нападавших. А когда в самый тяжелый момент с перевала вернулась назад сотня Уркуна и ударила горцам в тыл, сражение было выиграно. Ряды ардиев дрогнули, войско пиратов было смято, и они побежали в лес, старясь спасти свои жизни.

– Добить всех! – приказал Ларин, сам бросаясь в погоню. – Чтобы ни один не ушел!

Когда между еще недавно сражавшимися воинами появилось расстояние, скифы тотчас усилили обстрел, накрыв последние шеренги бежавших тучами стрел. Десятки ардиев остались лежать на дороге. А остальных загнали в лес и преследовали до тех пор, пока кони могли подниматься в гору.

Лишь окончательно рассеяв ардиев, Ларин вернулся к обозу.

– Ну что тут у нас? – буркнул адмирал, приблизившись к уцелевшему в этой суматохе Эвбиаду. – Жив?

– Я уцелел, – кивнул старик, признавшись, – как начали пускать стрелы, я забился под телегу, да так и пролежал весь бой. Куда я убегу, хромой.

– Молодец, – неожиданно похвалил его Ларин, – твое дело переводить. Воинов у меня пока хватает. А с этими что?

Он указал в сторону кельтов. Двое из них, в окровавленных кольчугах, стояли над трупами своих соплеменников, опершись на боевые топоры, и что-то бормотали. Лехе показалось даже, что пели или читали посмертные молитвы своим богам. Старик только подтвердил, то что Ларин и так уже увидел своими глазами.

– Троих проводников убили при нападении, – сказал Эвбиад.

– Если так дальше пойдет, – огорчился Ларин, глядя на скорбь кельтов и пуская коня шагом вдоль обоза, – то я и до Истра не дойду. Уркун, беречь этих двоих! Отряди специальных людей. Головой отвечаешь. Только осторожно, а то уж больно они резкие, сразу в бой бросаются. Так мне проводников надолго не хватит. И грека тоже охранять надо лучше.

Сотник, ехавший рядом в седле, кивнул.

Они медленно проехали метров двести, рассматривая нанесенный ущерб. Повсюду валялись убитые пираты и скифы, которых погибло, на первый взгляд, втрое меньше. У почти

сгоревшей повозки Ларин остановился, пытаясь понять, что именно уничтожили ардии.

– Две телеги сожгли, – доложил адмиралу подъехавший к ним Токсар.

– Что? – крикнул Леха, приходя в бешенство. – Эти ардии уничтожили катапульту, которую мы привезли из Тарента?

Ни о чем другом он сейчас и думать не мог.

– Нет, – поспешил «успокоить» его бородач, – только две обычные баллисты и еще какой-то походный скарб.

– Посчитать потери и немедленно двигаемся дальше, – приказал Леха, слегка остыв, – ночевать мы должны уже за перевалом.

Глава пятая Лилибей

День был солнечный, но бодрый. Свежий соленый ветер раздувал плащ за спиной Федора, заставляя ощутить прохладу. Облаченный в доспехи, он стоял на корме квинкеремы, вцепившись в ограждение, чтобы его не смыло за борт, и наблюдал за морем. Волны то вздымали корпус «Агригента» вверх, на гребень, то опускали его вниз, так что пенные буруны на мгновение становились вровень с линией горизонта, поглощая его. Минут десять назад Федор разглядел справа по курсу какие-то корабли, и вот теперь вместе с Бибрактом, они пытались определить, кто же это – свои или римляне?

– Вряд ли это римляне, – поделился соображениями Бибракт, – наш флот навел на них страху.

– Но не смог уничтожить совсем, – заметил на это Федор, продолжая обшаривать глазами неровную линию горизонта, то и дело пропадавшего за белыми бурунами, – а это значит, что римляне могут попытаться вновь прорваться через пролив.

– Но там же Сиракузы, – резонно заметил Бибракт, – а с тех пор, как мы стали союзниками, лучшего места, чтобы преградить путь всем желающими обогнуть Сицилию, проскользнув сквозь пролив, и не найти. Мы же сами вчера в этом убедились.

– Да, пожалуй, – вынужден был согласиться Федор, – фло-

товодец Ферон свое дело знает. Даже если наш флот вдруг каким-то чудом проморгает корабли врага, он не позволит римлянам продвинуться дальше Сиракуз. А Гиппократ не даст им возможности высадить десант или, в крайнем случае, уничтожит его. Так что, оставив Сиракузы за спиной, можно быть спокойными, что нас не нагонит неожиданно римский флот.

– Быть может, те корабли, что вы разглядели, это наши торговцы, что идут в южную Италию, – предположил Бибракт, так никого и не увидев, – а может быть, охранение из самих Сиракуз, ведь мы еще не так далеко отошли.

Федор не стал спорить. Бибракт был прав. Во всяком случае, немедленного сигнала к бою давать не стоило, да и не его это был пока вопрос. До прихода в Лилибей эскадрой из пятнадцати квинкерем командовал Гетрамнест, который находился на флагмане. Корабль Федора, на котором по приказу Ганнибала плыли в Испанию послы его брата, шел пятым, в середине колонны, и никаких сигналов к отражению атаки с флагмана пока не получал.

– Пойду отдохну, – сообщил капитану Федор, – разбуди, если случится что-нибудь интересное.

Он прошел нетвердым шагом по раскачивавшейся палубе, отвечая на приветственные жесты солдат собственной хилиархии, размещенной частично здесь же, и, ухватившись за мокрые от воды поручни, стал спускаться по лестнице вниз в небольшую каморку на корме. Спал он прошлой ночью не

много. Выйдя из Тарента, караван уже обогнул край итальянского «сапога», миновал пролив и теперь обходил южную оконечность Сицилии, оставив справа Сиракузы, где карфагенская эскадра провела ночь на рейде. Огромный порт был и без того переполнен. Здесь были сосредоточены сейчас все корабли самого сиракузского флота, который за последнее время значительно вырос, – в связи с началом войны против Рима Ферон убедил Гиппократа и народ, что нужно построить еще двадцать триер для усиления и без того не самого слабого в этих местах флота. А кроме хозяев, в Сиракузах стояла эскадра из двадцати триер Аравада, временно прикомандированная им сюда для усиления флота союзников. Хотя Федору показалось, что корабли финикийцев здесь скорее для того, чтобы иметь возможность в любое время действовать в этом «обитаемом» районе моря и также наблюдать за происходящим в гавани Сиракуз. Союз с греками – это хорошо, но несколько сотен лет враждебных отношений со счетов просто так не сбросить.

Впрочем, на приеме кораблей из Тарента это никак не сказалось. Гиппократ, который находился в городе, едва узнав о прибытии еще одной карфагенской эскадры, с которой приплыл его старый знакомый Федор Чайка, немедленно захотел его увидеть. Да не просто увидеть, а отпраздновать эту встречу. Как ни крути, пришлось повоевать вместе. Отдав приказ принять гостей и выделить место для стоянки, он пригласил Федора к себе в особняк. Чайка явился не один, а с

друзьями Летисом и Урбалом. Там они пили до утра отличное красное вино и вспоминали о войне с Марцеллом, закончившейся изгнанием римлян с острова и его позорным бегством. Гетрамнест, кстати, на этот пир приглашен не был, чем был несказанно обижен. И потому наутро решил поспешить в Лилибей, до которого оставался еще день пути при хорошей погоде.

– А что Архимед, – спрашивал Федор накануне вечером у греческого военачальника, глядя, как очаровательная служанка в прозрачном хитончике подливает ему вина, – уже выполнил наш заказ?

– Работает. Но, честно говоря, – поделился Гиппократ, – этот заказ его очень тяготит.

– А что случилось, – удивился Федор, делая глоток терпкой жидкости и заедая его засахаренными фруктами, – мне казалось, что он любит создавать.

– В том-то и дело, что этот взбалмошный старик опять увлекся какими-то расчетами и его сильно раздражает, что нужно тратить время на изготовление давно понятных вещей, – сообщил Гиппократ, – он мне не раз уже жаловался на это и просил передать часть работы подмастерьям. Мы подрядили ему в помощь лучших корабельных плотников и дали нескольких инженеров, но Архимед, едва познакомившись, обозвал их неучами и выгнал вон. А других не нашлось. Так что пришлось ему самому продолжать работу.

– Теперь понятно, – кивнул Федор, глядя, как Урбал и Ле-

тис, не участвуя в разговоре, молча потягивают вино, рассматривая пышное убранство особняка главнокомандующего Сиракуз, – а Ганнибал меня постоянно спрашивает, почему обоз заполняется так медленно.

– Я же отправил на днях грузовой корабль с баллистами и катапультами, – удивился в свою очередь грек, – а следом и корабль с каменными ядрами из наших каменоломен. Разве они не прибыли в Тарент?

– Да нет, все в порядке, – поспешил успокоить его Чайка, – прибыли. Но нас интересуют главные изделия Архимеда.. – Он чуть не сказал «главный калибр». – Те, которые остальные «неучи» без него сделать не смогут. Для похода на Рим они просто незаменимы. Так что даже Ганнибал согласился подождать.

Пирушка у хозяина Сиракуз затянулась почти до утра, и сильно захмелевший Федор, вместо того чтобы завалиться спать, был вынужден в сопровождении друзей брести в сторону порта. В предрассветной мгле они едва не заблудились, вызвав подозрение у проходившего патруля греков и даже едва не подравшись с гоплитами. Летису не понравилось, как с ним разговаривали греческие солдаты. И хотя он не понял ни слова, все равно решил, что его обидели, и оттолкнул от себя одного из них. Греки схватились за мечи, но Чайка дипломатично разрешил готовую возникнуть ссору между союзниками, сославшись на Гиппократа, имя которого оказало необходимое действие. В конце концов они добрались до

порта и поднялись на борт своей квинкеремы. Хорошо еще улицы были знакомые, немало римской крови было на них пролито.

Прибыли они вовремя. Капитан Бибракт встречал их буквально у трапа.

– Я только что получил приказ покинуть гавань, – сообщил он Федору, – просто не знаю, что бы мне пришлось сделать, если бы вы не объявились.

– Все в порядке, – успокоил его Федор, слегка опиравшийся на плечо Летиса, – мы проводили переговоры с местным командованием. В случае чего пришлось бы немного задержаться, все равно Гетрамнесту командовать осталось всего один день. Потерпит. А потом мы станем флагманом.

Бибракт, как оказалось, не посвященный во все детали, был приятно удивлен.

Плавание до Лилибея не принесло никаких неожиданностей, если не считать того, что Федор увидел в проплывавшей мимо эскадре римлян. Но в конечном итоге никто их не атаковал. Плыть вдоль южной оконечности большого острова было не так опасно, как вдоль северной. Здешние воды, «зажатые» с одной стороны африканским берегом, на котором стояла столица метрополии, а с другой сицилийским, где находилась целая россыпь карфагенских городов-крепостей, считались, по сути, внутренним морем Карфагена. Конечно, римляне и сюда могли проникнуть, но, потеряв Сицилию, давно так не рисковали, – до ближайшего «дружественного»

берега было довольно далеко.

Перед тем как вздремнуть, Федор долго отдыхал на жесткой лежанке, слушая скрип снастей отплывающего корабля и вспоминая, как прощался с Юлией и Бодастартом, сообщив им о внезапной разлуке.

– Что же, – сдержав слезы, сказала римлянка, одетая в яркую желтую тунику, Федор заметил, что в последнее время она стала одеваться как финикийская женщина, – здесь я хотя бы буду жить в городе среди людей, которые будут напоминать мне о тебе, а не на пустынном берегу. Да и дом здесь гораздо больше, я найду чем заняться, пока ты будешь в дороге.

– Если бы ты знала, – пробормотал Федор, теребя кожаный ремень, – как я не хочу уезжать. Но я солдат и должен воевать там, куда пошлют. Я даже не могу сказать тебе, куда плыву.

– Главное, возвращайся скорее, – ответил римлянка, одарив на прощание долгим поцелуем, – мы будем тебя ждать.

– Возьми меня с собой, – вдруг отчетливо проговорил сын, глядя снизу вверх на закованного в доспехи отца, – я тоже хочу на войну с римлянами. И у меня есть меч.

Он продемонстрировал Чайке свой деревянный клинок, которым рубил траву во дворе.

– Еще успеешь, Бодастарт, – ответил Федор, присев на корточки рядом и стараясь не смотреть на вздрогнувшую при этих словах Юлию, – для этого тебе придется немного

подрасти. А пока охраняй маму.

Бодастарт кивнул, поднял свое оружие и с серьезным видом встал рядом с Юлией, взяв ее за руку. А Федор, развернувшись, зашагал сквозь рассветную суету на улице в сторону близкого порта. Такими, державшимися за руки, Федор их и запомнил, отпечатав в своей памяти. Впервые в жизни ему, едва обретшему не только новый дом, но и соединившемуся с семьей, действительно не хотелось уходить на войну. Но Ганнибал не оставил ему выбора. Рим еще не был повержен, и требовалось отсечь все сопротивлявшиеся конечности, чтобы, в конце концов обезглавить тело.

Пока Федор спал, караван военных судов обогнул мыс Пахин и прошел Камарину. Затем, когда Чайка инспектировал личный состав, они миновали Гелу и печально знаменитый мыс Экном, где почти сорок лет назад карфагенский флот потерпел сокрушительное поражение. А теперь приближались к Агригенту, городу, где был построен и назван в его честь тот самый корабль, палубу которого сейчас топтали подошвы башмаков Чайки. Живописный берег Сицилии, видневшийся неподалеку, постепенно таял в вечернем сумраке.

– Разве мы не сегодня прибудем в Лилибей? – удивился Чайка, которому доложили, что крепостные стены на горизонте – это Агригент. Федор был уверен, что путешествие подходит к концу.

– Только завтра, – почти не скрывая своей радости, подтвердил Бибракт, который был ко всему еще и родом из

Агригента и надеялся посетить этим вечером родных. – Мы двигаемся медленнее, чем рассчитывали, из-за бокового ветра. Я получил приказ ошвартоваться на пирсе Агригента.

– Ну что же, – нехотя подтвердил Чайка, – выполняй.

Эта ночь прошла спокойно. Бибракт с разрешения Чайки сошел на берег, перепоручив судно своему помощнику. Федор, которому отвели помещение в одном из домов на берегу, решил не покидать корабль и отправил туда вместо себя всех ливийских послов. Те с радостью восприняли это предложение. По всему было видно, что Хират и остальные не относились к завзятым морякам. Они предпочитали твердую землю палубе, постоянно качавшейся под ногами. Федору же было все равно. Он одинаково хорошо ощущал себя и на земле и в море. Сказывалась закалка морского пехотинца. Поэтому, несмотря на корабельную суету и доносившиеся снаружи шумы, выспался он хорошо. Даже не заметил, как корабль вновь вышел в море.

– Где мы сейчас? – поинтересовался Чайка у Бибракта, когда наконец выбрался на палубу, отметив, что все ливийцы вернулись на корабль. Они стояли сейчас группой на носу корабля, упершись руками в ограждение, и наблюдали за морем, что-то оживленно обсуждая. Их кирасы поблескивали в лучах дневного солнца.

– Прошли уже треть пути до места, – отрапортовал Бибракт, который после встречи с родственниками еще не твердо держался на ногах. Впрочем, Федор сделал вид, что не за-

метил. Бибракт и в таком состоянии был способен привести корабль куда угодно. На то он и моряк.

Оторвав взгляд от гористого сицилийского берега, Федор бросил взгляд вперед, на далеко оторвавшуюся от остальных флагманскую квинкерму, на которой плыл Гетрамнест. Между ним и кораблем Федора рассекали волны квинкеремы, на которых были размещены бойцы Адгерона и Карталона, с которыми он толком не успел ничего обсудить перед отправлением. Затем Чайка взглянул назад, где на нескольких кораблях разместились солдаты из хилиархий Атебана и Абды. «Успеем еще поговорить, – решил он, – дело долгое».

Закончив осматривать море и корабли, Чайка подошел к послам Гасдрубала, решив прояснить для себя несколько вопросов, не дававших ему покоя.

– Доброе утро, – поприветствовал он низкорослого Хирата и остальных, пройдя через весь корабль и останавливаясь в нескольких шагах от ливийцев, – как провели ночь?

– Отлично, Чайка, – поблагодарил его словоохотливый ливиец, – дом был очень просторным, да и в погребах кое-что водилось, зря ты не стала там ночевать.

– Привыкаю к жизни моряка, – отшутился Федор, – нам ведь еще долго плыть.

– Не очень, – сообщил Хират, – всего несколько дней. Если, конечно, римский флот не помешает нашим планам.

– А куда вы собирались отправиться из Лилибея? – уточнил Федор, вспомнив о том, что Ганнибал велел ему перед

отплытием решить этот вопрос с послами прямо на корабле и без лишних ушей. – В Тарракон?

– Мы собирались плыть оттуда в Сагунт, – сообщил ему Хират, и Федор заметил, как он осторожно посмотрел по сторонам. Но, кроме четырех человек, принимавших участие в разговоре, рядом никого не было. Ближайшие матросы находились сейчас у мачты и возились со снастями. Ветер был сегодня попутный, и корабль шел на всех парусах.

– Почему не прямо к Тарракону? – удивился Федор. – Ведь, насколько я знаю, город осажден и ожидает нашей помощи?

– Это так, – наклонил голову Хират, – город почти блокирован с суши легионерами Публия Корнелия Сципиона и с моря большими силами римского флота. А потому Гасдрубал, который находится там же, приказал нам высадиться в Сагунте, чтобы не подвергаться лишней опасности.

– Хотя мы можем встретить римлян повсюду, – вставил слово бородатый ливиец со щербатым лицом, – стоит только отчалить от берегов Сицилии и выйти в открытое море.

– Ты прав, Зета, – заметил на это Хират, – они обнаглели настолько, что стали наведываться даже на Балеарские острова, где мы набираем своих пращников. Несколько раз даже высаживали там десант и пытались захватить наши колонии. Хвала Баал-Хаммону, безуспешно. Но они не прекращают попыток.

– Ясно, – кивнул Федор Чайка, схватившись за ограж-

дение, оттого что корабль резко накренился, провалившись между двух волн, – значит, в море до сих пор они почти что хозяева. А что же наши корабли, ведь я слышал, что из столицы в Испанию уже отправляли большой флот.

– Не такой уж большой, – подтвердил Хират, – всего сорок пять квинкерем, половина из которых охраняет Новый Карфаген и казну испанской армии. А большая часть остальных погибла в боях с римлянами. Кораблей у нас совсем не много, а вот братья Сципионы, по слухам, обладают минимум сотней квинкерм, часть которых участвует в осаде Таракона, а остальные почти свободно курсируют вдоль нашего берега.

Этой информацией Федор был немного озадачен. Пребывание с Магоном, братом Ганнибала, в столице и общение с сенатором оставили у Чайки впечатление, что все военные ресурсы метрополия делит между Итальянским и Испанским фронтами, причем почему-то в пользу последнего. Видимо, в сенате были уверены, что Ганнибал настолько хорош, что справится своими силами. Был, конечно, еще и Африканский фронт, «тыловой», на котором то и дело приходилось наводить порядок. Многочисленные нумидийские и ливийские царьки то и дело поднимали восстания в тылу карфагенских владений, опустошая плодородные земли. Происходило это обычно в самый неподходящий момент, когда все военные силы требовалось отправить в совершенно другой район. Как сейчас, например.

Чайка также припомнил, что этот «внутренний» сухопутный фронт был особенно дорог давнему врагу семейства Баркидов сенатору Ганнону, который выступал против заморской колонизации, считая, что расширение сухопутных владений на Африканском континенте должно быть главным направлением политики Карфагена.

«В чем-то этот сенатор даже прав, – подумал Федор, надолго замолчав, чем озадачил собеседников, – в Африке богатств хватает, только она еще не такая развитая, как Средиземноморье. Да и финикийцы – народ мореплавателей, что ни говори. Без моря жить не смогут. Неужели Ганнон оттянул туда все свободные вооруженные силы? Ну пехота, конница и слоны, еще понимаю. Но корабли-то там не нужны. Разве что побережье Нумидии патрулировать, да только зачем. Впрочем, мог и не использовать, а просто задержать под каким-нибудь предлогом. Сенаторы – время тянуть мастера».

– А что, нет ли сейчас каких-нибудь волнений в Африке? – поинтересовался Федор, нарушив молчание.

Хират обменялся удивленным взглядом со своими спутниками, как будто не понимая, о чем это Федор, – сам-то он хоть и был ливийцем, но служил верой и правдой Карфагену, – но все же ответил.

– Какие-то волнения там всегда есть, – проговорил Хират, – не всем племенам нравится служить Карфагену. Да Рим в последние годы стал отправлять туда своих посланни-

ков, которые обещают местным царькам золотые горы, возмущая народы к неповиновению. Их, конечно, отлавливают и казнят, но спокойствия в провинции это не прибавляет.

Хират умолк, почесал бороду, словно пытаясь что-то припомнить.

– За последние годы, что я повел в Испании, никаких серьезных восстаний за морем не было. Если бы что-нибудь случилось, Гасдрубал бы узнал об этом первым. Советники из метрополии бывают у него в штабе регулярно.

– Самое серьезное происходит сейчас у нас в Испании, – вставил слово Мета, невесело усмехнувшись, – где консулы хотят отобрать наши земли.

– Понятно, – кивнул Федор, не особенно удовлетворившись ответом. Почему Карфаген не высылает флот в достаточном количестве, чтобы разрушить римское превосходство на море, ему было непонятно. Ведь верфи работали исправно, да и деньги, несмотря на затяжную войну на нескольких фронтах, имелись. Этим Карфаген славился всегда, и город мог вполне успеть построить необходимое количество кораблей, чтобы дать решающее сражение на море. Но этого почему-то не происходило. Значит, основной флот, скорее всего, если и был построен, то оставался в самой столице, повинуясь чьему-то приказу. А уж повод оставить флот поближе к берегам метрополии найти было нетрудно. Например, возможное нападение римлян, несмотря на то что Ганнибал сам стоял буквально у ворот их столицы. Параллель-

ная высадка десантов на побережье противника уже не раз бывала как в истории этой войны, так и в войнах Карфагена с Сиракузами.

Узнав все, что пока было необходимо, Федор закончил разговор и отправился на вторую палубу, чтобы разыскать Летиса и Урбала, в сопровождении которых собирался сойти на берег. Тем более что на горизонте уже показался какой-то город. Возможно, это и был Лилибей.

Федор не слишком ошибся. В Лилибей они прибыли через четыре часа, под вечер, когда солнце начало уже понемногу опускаться. Это был большой портовый город-крепость, обнесенный высокой зубчатой стеной. Гавань Лилибея, в которой скопилось огромное количество военных и торговых кораблей, тоже была хорошо защищена. Два мола, что охватывали ее, были увенчаны стеной с башенками, полными солдат и метательных машин, которые были призваны воспрепятствовать высадке десанта на них. А вход в гавань, как и в самом Карфагене, осуществлялся через ворота, перегороженные двумя массивными цепями на некотором расстоянии друг от друга.

– Ого, да здесь, похоже, собрался тот самый флот, о котором я думал, – невольно воскликнул Чайка, разглядывая корпуса многочисленных квинкерем и триер, выстроившихся вдоль внутренних пирсов, когда его корабль преодолел главные ворота и вошел в акваторию порта, – интересно, сколько их уйдет отсюда в Испанию.

– Даже если половина, – заметил на это Урбал, стоявший рядом и тоже считавший взглядом корабли в гавани, – это уже будет неплохая помощь. Их здесь немногим меньше сотни, считая триеры.

– Да, похоже, – подтвердил Федор, закончив свои наблюдения, – только мне кажется, что часть из них останется охранять город. Ведь Лилибей – мощная крепость и лакомый кусочек для римлян. Ты помнишь, как долго армия Аравада не могла его взять?

Урбал кивнул. Бой, в котором им не пришлось принимать участия, по рассказам пунийского полководца, был очень жарким. Прежде чем Лилибей вновь перешел в руки финикийцев, когда-то основавших его, здесь полегло множество солдат. Да и укрепления пришлось потом отстраивать чуть ли не заново. «А кроме того, – вспомнил вдруг Федор, – где-то здесь погиб человек моего благодетеля сенатора Магона. Как он здесь оказался и не с ним ли должен был встречаться Кассий, декурион шестой турмы двадцать второго легиона, вот что мне хотелось бы знать. Кассий тоже убит и концы в воду. Убит тихо, но в Сиракузах, значит, предатель был все время где-то поблизости и получал сообщения от своих хозяев. Только вот где его хозяева, в Риме или, не дай бог, в Карфагене?»

Эти размышления навели Федора на мысль разыскать место, где погиб человек Магона – посланцем Федор пока не торопился его называть, все же речь шла о сношениях с рим-

лянами, – и посмотреть на него. Глупость конечно, но вдруг что-то там сохранилось. Медальон, личное оружие или еще что-нибудь, за что мог бы зацепиться пытливый ум Чайки, которого уже против воли тянуло докопаться до истины. Не любил он, когда его используют втемную.

Корабли эскадры Тарента прошли к дальнему от входа в гавань пирсу и пришвартовались у внутренней стены. Неподалеку Федор заметил узкий проход в каменной кладке, ведущий, судя по всему, в следующую внутреннюю гавань, – карфагеняне были мастера обустраивать прибрежные земли сооружениями подобного типа. Чего стоили портовые сооружения Карфагена, от которых Федор до сих пор находился под впечатлением. Римский порт, который ему тоже довелось увидеть, не так впечатлял. «Не удивлюсь, если там спрятана гавань еще на сотню кораблей, – усмехнулся Федор, уже собравшийся спускаться по сходням на пирс, где их поджидали какие-то офицеры. – Хотя снаружи больше похоже на проход в котон [8]».

– Что мне делать? – уточнил Бибракт, едва заметив, что Федор собирается покинуть корабль. – Ведь вы теперь командир эскадры.

– Жди приказаний, – ответил Чайка, – для начала надо обсудить все детали с Гетрамнестом и остальными. После чего

---

[8] Котон – внутренняя гавань с одним входом, в котором карфагеняне также могли ремонтировать корабли. Чаще небольшого размера, прямоугольная, выложенная камнем по всему периметру.

я проведу несколько часов в городе и вернусь. Все равно отплывать будем не раньше, чем завтра утром, а может быть, и задержимся на денек.

На берег он сошел в сопровождении послов испанской армии, Урбала и Летиса. Встречавшие эскадру офицеры, оказавшиеся посланцами Аравада, пригласили всех в большой особняк в верхнем городе. Там Чайка, к большому неудовольствию нынешнего командира эскадры, еще раз передал им волю Ганнибала, сообщив, что дальше двенадцать кораблей эскадры поведет он сам. К своему удивлению, он не услышал никаких возражений, к которым привык за последнее время натянутых отношений между двумя командующими.

– Вы получите все необходимые припасы и отплывете, как только будете готовы, – кивнул комендант порта, – а Гетрамнест отправится с остальными кораблями в Новый Карфаген. Таков приказ сената, который нам передал Аравад.

Сам Гетрамнест, уже успевший обмолвиться парой слов с комендантом по прибытии, казался удивительно спокойным для флотоводца, который лишался власти над флотом с завтрашнего утра. По его хитрой самодовольной ухмылке Федор заподозрил неладное, но виду не подал.

– У меня нет вопросов, – ответил он, рассматривая через узкое окно портовые сооружения и мачты квинкерем, – кроме одного. Сколько кораблей Гетрамнест завтра поведет в Новый Карфаген?

Комендант Лилибея обменялся многозначительным взглядом с Гетрамнестом и нехотя произнес.

– Тридцать восемь, включая триеры.

– Ого, – не сдержал эмоций Чайка, даже обернувшись, чтобы увидеть торжествующую ухмылку своего неожиданного конкурента. – Похоже, сенат на этот раз действительно решил позаботиться об испанских владениях. Отправляет туда пятьдесят кораблей.

Лица послов Гасдрубала тоже невольно растянулись в ухмылке.

– Сенат всегда заботится о своих владениях, – строгим тоном проговорил комендант, словно напомнил Федору и ливийцам о недопустимости таких разговоров.

– Ну что же, – подвел итог Федор, не давая втянуть себя в крамольные беседы, – с меня довольно и двенадцати квинкерем.

По его подсчетам, даже после того, как названный флот покинет гавань Лилибея, здесь останется еще немало сил для отражения любого нападения.

– Желаю удачно добраться до места. Встретимся в Испании, – сообщил он Гетрамнесту и, решив, что все сказано, направился в сторону дверей. Дойдя до них, Чайка, остановился и добавил, обращаясь на сей раз к коменданту: – Пусть припасы начинают грузить немедленно и работают, если понадобится, до утра. На рассвете я отплываю, а сейчас хочу пройтись по городу.

– Все будет погружено вовремя, – не стал спорить комендант.

– Куда ты направляешься, Чайка? – произнес ему вслед Гетрамнест, не вытерпев. – Разве не с нами, в Новый Карфаген?

– Ганнибал не разрешил мне рассказывать об этом, – позволил себе небольшую месть Федор и покинул особняк вместе с ливийцами.

Оказавшись на улице, он нашел там порядком заскучавших друзей.

– Я собираюсь пройтись по городу, – сообщил Федор остановившемуся рядом Хирату, – у меня здесь есть небольшое дело.

– А мы, чтобы убить время, осмотрим котон, который, по слухам, искусно сделан, – ответил Хират за всех, – и вернемся на корабль. У нас нет других дел в Лилибее.

– Хорошо, тогда до встречи на борту «Агригента», – отсалютовал Чайка ливийцам и, сделав жест друзьям следовать за собой, пошел по направлению к казармам, где на одной из башен, по рассказам, был убит человек Магона. Казармы находились на каменистых холмах, чуть в стороне от основного города, который предстояло пересечь.

– Если прогулка предстоит долгая, хорошо бы поесть, – предложил Летис, нехотя вышагивая позади Чайки по выложенной шлифованными камнями главной улице, что вела почти от самого порта до вершины холма, где располагался

восстановленный храм Мелькарта.

– Некогда, – отмахнулся Федор, придерживая рукой ножны колошматившей по бедру фалькаты, – мне нельзя задерживаться в этом городе, а до захода солнца я должен кое-что отыскать. Если, конечно, хоть что-нибудь здесь сохранилось с того времени.

Здоровяк обиженно засопел, а сообразительный Урбал проследовал за ним, не задавая лишних вопросов. Если Федор считает нужным разговаривать недомолвками, значит, сам еще не уверен в успехе. Но по большей части интуиция его не подводила. За это Чайка и любил своих друзей – их можно было просить о помощи, не посвящая во все детали, хотя бы в первое время.

Никакого эскорта из отряда морпехов с «Агригента» новоиспеченный командующий эскадрой не взял. Город все же свой, а не римский. Не хотел привлекать лишнего внимания, да из памяти еще не стерся эпизод с охранниками в Тире. Чем меньше человек будет знать о его интересах в Лилибее, тем лучше. С некоторых пор подозрительность к окружавшим его людям у Федора стала расти. Особенно после нескольких нападений и даже убийств «свидетелей», которые просто не могли быть роковой случайностью. Слишком уж вовремя они случались. Вот и сейчас, ему показалось, что от форума, который они миновали несколько минут назад и где еще шла бойкая торговля, за ними увязался какой-то оборванец в лохмотьях.

Несколько раз Федор оглядывался, стараясь проверить свои подозрения, но после того как некоторое время шедшие по одной улице с ними ливийцы свернули в переулок, ведущий в сторону котона, исчез и оборванец. Впрочем, был он или нет, Федор уже не поручился бы, – слишком пестрая толпа запрудила все подходы к форуму. В Лилибей, сразу после освобождения от римлян, вернулась масса торговцев, а вместе с ними и множество слуг, резко увеличивших население прибрежного города. Сейчас, особенно в центре, было не протолкнуться. К счастью, Федор с друзьями вскоре миновали рынок и прилегавшие к нему кварталы с лавками.

Главная улица рассыпалась на множество узких улочек, петлявших вокруг двух– или трехэтажных особнячков, жавшихся к подножию холма. Город все же был построен прежде всего как военная база, главными сооружениями в которой были крепость и порт. Свободного места для жизни на этих скалах было не очень много. А потому городские кварталы росли больше вверх, чем вширь. Впрочем, для финикийских строителей было не в новинку осваивать скалы. Многоэтажные дома Федор видел в Карфагене неоднократно.

Поднявшись на очередной холм, Чайка обернулся и даже остановился, привлеченный зрелищем. Внизу, в гавани, под лучами опускавшегося солнца виднелось множество военных кораблей, изящные корпуса которых до сих пор радовали глаз Федора, так, словно он только недавно их увидел в первый раз. А рядом с побережьем, за крепостной стеной,

прямо между вытянутыми зданиями складов, взору открылся небольшой, выложенный камнем, прямоугольник. Это и был котон, внутренняя гавань, в которой, даже будучи осажденными, жители Лилибея могли держать несколько кораблей и ремонтировать их. Котон был очень узким. Сейчас там стояло всего лишь две квинкеремы, да и воды со своего места Федор почему-то не разглядел. Скорее всего, ее уровень поддерживался искусственно, с помощью плотины. А при необходимости воду можно было и вовсе спустить. Чайка слышал о том, что в котоне мастера могли ремонтировать корабли «на сухую», даже не вытаскивая их на берег, благо в нем имелись все необходимые приспособления.

– Что-то я не вижу отсюда наших послов, – поделился соображениями Федор, – они собирались посмотреть на местный котон.

– Наверное, уже отправились на корабль, – вставил слово Летис, останавливаясь рядом и вытирая пот со лба, денек был жаркий, – или в кабак зашли. Я слышал, здесь знатные харчевни есть.

– На обратном пути заглянем, – не выдержал Федор.

– Вот это дело. – Летис даже просиял.

В казармы они прибыли спустя десять минут. Это было приземистое трехэтажное здание из серого обтесанного камня с узкими окнами-бойницами, примыкавшее задней стеной к скале. В нем имелось всего два входа по бокам, которые закрывались массивными дверями. При случае здесь

вполне можно было держать оборону. В казармах размещались пехотинцы, имя командира которых Федору было известно от самого Аравада, и не подозревавшего о том, что Чайка так интересуется судьбой убитого приближенного сенатора Магона.

Звали его Метар – у командира двадцатой хилиархии была хорошая память на имена – и служил он здесь с того самого дня, как финикийцы отвоевали город обратно. Направляясь в Лилибей, Федор надеялся, что Метар еще никуда не переведен, ведь сил на острове было не так много. Особенно учитывая предстоящее плавание в Испанию, которое должно было лишить город некоторой части солдат. Впрочем, Лилибея, как припомнил Федор, не было в списке городов, откуда Аравад набирал экспедиционный корпус. Ни на что особенное, впрочем, Чайка и не рассчитывал, ведь прошло уже несколько месяцев. Так, интуиция.

Стоявшие на часах охранники, услышав, кто решил посетить их казармы, без особых задержек послали за своим командиром.

– Так он здесь? – обрадовался Федор, который побаивался просто не застать его на месте и уйти ни с чем, и, обернувшись к Урбалу, добавил: – Повезло.

Вскоре из казармы показался широкоплечий офицер, лет тридцати пяти, с загорелым и даже смуглым лицом. Шлема на нем не было, а панцирь едва не расходился под давлением накаченных мышц, таким крепким казался этот финики-

ец. Даже Летис с уважением посмотрел на его руки, похоже, способные согнуть саунион.

– Зачем меня ищет Федор Чайка? – громко поинтересовался Метар. – И что понадобилось в этом городе посланцу самого Ганнибала?

– Я здесь лишь по своему желанию, – поспешил отвести подозрения Федор. Слишком уж много слухов могло пойти после этой встречи, но делать было нечего. Он назвал себя, не ожидая, что слава командира двадцатой хилиархии африканцев, который на короткой ноге с самим главнокомандующим, докатилась и сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.